

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ
АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

ДРАКОНЫ СЕВЕРА

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА

Драконы Севера

Александр Проzorов

Последняя победа

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Последняя победа / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2015 — (Драконы Севера)

ISBN 978-5-699-83234-7

Племя могучих магов, известное народам Крайнего Севера как сир-тя, зажгло второе солнце, которое согрело вечную мерзлоту, оживив не только мамонтов и неандертальцев, но и динозавров. Золотые идолы стерегли страну Колдовского солнца, но казачья ватага, присланная Ермаком, нарушила ее границы, вступив с колдунами сир-тя в непримиримую вражду. И началась война сабель и пороха против заклинаний и покорных колдовской воле драконов. Колдуны и казаки не уступали друг другу, но в борьбу вмешалась юная чародейка Митаюки-нэ, которая захотела ни много ни мало – подчинить себе весь мир. До заветной цели девушке осталось два-три маленьких шага...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83234-7

© Прозоров А. Д., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	18
Глава IV	27
Глава V	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Прозоров, Андрей Посняков

Последняя победа

© Прозоров А., Посняков А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава I

Осень 1585 г. П-ов Ямал

Новый острог

Природа замерла в предвкушении живого рассвета. Затаились стрекозы, перестали горланить жабы, остановили свой стрекот кузнечики. Только из леса, от которого тягуче расплзался острый смолистый аромат, то и дело доносилось вялое чириканье какой-то сонной пичуги. Второе, колдовское, солнце уже давно жарко светило юной чародейке в спину, но Митаюки-нэ словно не замечала его ослепительных лучей. Она неотрывно смотрела на водную гладь под стеной острога – холодную, недвижимую, почти черную, и потому кажущуюся бездонной.

Наконец далекий горизонт зарозовел, потом налился желтизной, яркостью – и из-за него поднялось настоящее, живое солнце, что каждый день покидало небеса, дабы с рассветом возродиться снова. Найдя просвет между темными кронами деревьев, с юга на север стремительно расстелилась сверкающая дорожка – и в тот же миг залив ожил, покрылся рябью, заиграл, заплескался, заголубел и наполнился движением.

– Проснулся... – прошептала Митаюки, зябко кутаясь в меховую плащ.

Девушке нравилось встречать рассвет здесь, на южной башне северного острога, вознесшейся над морскими просторами. Очень нравилось. Но удавалось это далеко не всегда. Ведь летом ночи слишком коротки, чтобы владычица здешних земель успевала выспаться, а зимой... В своих новых владениях ведьма еще не успела встретить ни одной зимы.

Митаюки-нэ невольно передернула плечами, осознав всю невероятность этой мысли. Подумать только: она еще не провела здесь и года! Всего год назад она уломала мужа отправиться в рискованный поход через неведомые земли – лишь бы вырвать его из-под влияния воеводы. А три года назад она была бесправной рабыней, наложницей белолицых дикарей. А четыре года тому – обычной ученицей Дома Девичества, пусть и умелой, подающей надежды. И если бы не набег казаков, если бы не плен, позор, мучения, если бы не испытание унижением и смертью – не стояла бы сейчас она правительницей бескрайних земель и тысяч воинов, не красовалась синим сарафаном тончайшего сукна с переливчатыми пуговицами, не куталась в драгоценную меховую накидку, не жила в огромной крепости из толстых смолистых бревен – в три сотни шагов в длину, две сотни в ширину и четыре человеческих роста высотой. Сидела бы она сейчас в облезлом чуме, в одной лишь набедренной повязке, да радовалась богатству из костяного браслета да ожерелья в два десятка матовых шариков.

Вот и пойми после этого, награждает нас испытаниями судьба наша или наказывает? Беду приносят муки – или великое счастье?

– Лишь одно мерило есть в этом мире, – прошептала юная чародейка наставление древней, как береговой валун, и всем ненавистой злобной ведьмы Нинэ-пухуця. – Лишь прикосновение смерти способно дать понимание того, что важно, а что нет; ради чего стоит бороться, а о чем проще забыть и не беспокоиться. Я приняла смерть, муку, унижение как радость – и смерть воздала мне по вере моей и преданности.

Митаюки-нэ повела плечами. Но уже не зябко, а просто разминаясь, принимая тепло двух солнц, пропитываясь бодростью нового дня и предаваясь мыслям о будущем. О будущем, которое, как она надеялась, наконец-то сделалось ясным и определенным...

Низкий и протяжный гул деревянного била заставил девушку вздрогнуть, стряхнуть мечтания и вернуться в реальный мир. В остроге наконец-то распахнулись двери надвратной часовни, и отец Амвросий принялся созывать многочисленную паству к заутрене. Девушка заторопилась: чародейке следовало явиться туда одной из первых. Новообращенные христиане должны видеть, что Митаюки была, есть и будет самой искренней, преданной и верной служительницей нового, распятого бога, принесенного в земли сир-тя белокожими чужаками из непостижимо дальних краев.

Увы, прошли те блаженные времена, когда юная ведьма была единственной, кто понимал русский язык и мог переводить местным воинам как проповеди священника, так и приказы казаков. За минувшие месяцы тесного общения уже очень многие сир-тя стали понимать слова иноземцев без толмача. Посему теперь ее авторитет держался куда больше на безупречном поведении, на личном примере жены главного белокожего вождя – всегда первой на всех обрядах в честь распятого бога, на всех работах, на всех пирах и во всех походах.

Чародейка покосилась в сторону караульного, замершего в нескольких шагах на углу острога.

Воин сир-тя имел обычные для своего племени одежды: кожаные штаны, пришнурованные к мягким полусапожкам, да куртку из толстой кожи товлынга, усиленную на плечах костяными накладками. Копье в руке, дубинка на поясе, свежая татуировка в виде креста сзади на шее. Страж внимательно вглядывался вниз и вперед, вдоль озерного берега, готовый поднять тревогу при любом подозрении на опасность. Ему явно было не до жены русского атамана Матвея. Караульный не оглядывался на раннюю гостью – он старательно бдил.

Митаюки-нэ тихо вытянула из ножен короткий обсидиановый клинок, срезала с головы прядь волос, пальцами левой руки умело скрутила двойной молебельный узел, поднесла к губам и сдула невесомую прядь в сторону солнца:

– Прими мою жертву, могучий Нум-Торум; прими плоть мою, часть тела моего, души моей, моей жизни. Прими дар мой искренний, ответ милостью. Сохрани мне силу мою колдовскую, сохрани мужа от дурного глаза, проводи семью дочерей Сиив-Нга-Ниса мимо земли моей. Избавь меня от гнева своего, всесильный Нум-Торум... А с остальным я и сама как-нибудь справлюсь!

Девушка широко улыбнулась и быстрым летящим шагом сбежала вниз по лестнице.

В сумраке широкого храма с тремя узкими рублеными окнами-бойницами было тесно, душно, пахло дымом и ладаном. Накрыв голову простым зеленым платком, Митаюки-нэ уверенно протиснулась вперед, скромно склонила голову перед священником. Отец Амвросий кивнул ей, протянул преданной послушнице нательный крест. Ведьма поцеловала его, трижды торопливо перекрестилась:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

– Вознесем же молитву благодарственную Господу нашему! – словно продолжая ее фразу, низким и гулким, хорошо поставленным голосом произнес священник. – Возблагодарим его за дни мирные, что дарует он нам своей милостью! Возблагодарим за хлеб насущный, небо ясное, за победы ратные, за избавление от колдовства черного, от чудищ поганых! За спасение душ наших бессмертных возблагодарим!

Речь священника была страстной, но недолгой. Отец Амвросий напомнил новообращенным христианам о всепрощении и жертвенности, о принятии Иисусом грехов смертных на себя и необходимости быть достойным этого божественного самоотречения, после чего благословил паству и отпустил ее к насущным земным делам.

Ведьма, стоявшая ближе всех к алтарю, вышла, понятно, из церкви последней. Спустилась вниз и, подавая пример неуклюжим воинам, развернулась, трижды перекрестилась на висящую над входной дверью икону, каждый раз отвешивая низкий поклон. Сир-тя тут же ско-

пировали ее поведение, после чего один из незнакомых мужчин, судя по возрасту и краешкам спрятанных под кухлянкой татуировок – бывший шаман, уважительно спросил:

– Ты пользуешься доверием могучего колдуна белых людей, мудрая Митаюки, жена вождя. Ты, верно, хорошо познала учение распятого бога. Подскажи, как правильно чтить Иисуса Христа, дабы добиться его милости? Какие жертвы приносить, чем кланяться, как просить?

Вот так... Сотни сир-тя уверенно говорили по-русски, но никакое знание языка не могло заменить понимания сокровенных смыслов произносимых иноземцами слов, их учения, их мыслей. И здесь по-прежнему не появилось никого, равного юной ведьме знанием.

– Верховному богу Иисусу вообще не нужно молиться, – уверенно объяснила Митаюки-нэ. – Он и без того любит всех смертных, даря всем равное покровительство. У него не нужно ничего просить, его надобно токмо благодарить, как ныне благодарил мудрый отец Амвросий. Просить нужно у его богов-помощников. Коли в охоте, делах мирных, али погоде надобность имеется, то Илье-пророку жертву принести потребно. Его лик в храме по правую руку от распятия начертан – зайдите да гляньте внимательнее. Большой такой, круглолицый, с бородой тонкой и щеками. Ему кровь зверей обычных в жертву приносить можно али мясо запеченное, рыбу он также принимает с благодарностью.

Новообращенный священник кивнул, внимательно слушая и запоминая, даже прикусив губу от старательности. В том, что этот мужчина станет христианским служителем своего племени, чародейка не сомневалась. Кому еще заниматься богослужением, как не шаману?

– Илье-пророк делами мирными при Христе заведует, – продолжила девушка. – Ратным же деяниям Георгий Победоносец покровительствует. Коли на войну, на бой собираетесь, ему завсегда кланяйтесь, лик его змеиной кровью насыщайте. Иной жертвы, кроме змеиной крови, он не берет, токмо прогневаете. Он и на иконе так изображен, змею копьём протыкающим. Коли болезни тяготить начнут, с детьми неприятности или еще что по женской части, то о милости и помощи просить надобно Параскеву Пятницу. Параскева не токмо животную жертву принимает, но и плодами земными. Ягодами, корнями, сборами душистыми. Коли просьба мала, то и венок цветов обычный принести ей можно.

– Благодарствую за помощь, мудрая Митаюки, – низко поклонился девушке бывший шаман, поймал за руку. Но не поцеловал, как принято у иноземцев, а ловко, одними пальцами сунул что-то в ладонь, сжал ее и отступил.

– Что там, дочь моя? – неожиданно громко спросил незаметно приблизившийся отец Амвросий, тоже спустившийся во двор.

– Мы говорили о боге, отче, – перешла на русский язык ведьма, размашисто осенила себя крестным знамением, поклонилась в сторону ворот.

Воины сир-тя немедленно последовали ее примеру.

– Господь любит вас, чада, – довольно улыбнулся священник. – Да пребудет с вами милость Иисуса!

– В трапезную идет, – негромко сообщила воинам Митаюки-нэ. – Можете пока в святилище подняться и облик младших богов рассмотреть. Георгий по левую руку от распятия будет, а Параскева напротив, возле двери.

– Благодарю, мудрейшая, – опасливо стрельнул взглядом в спину удаляющегося священника шаман и бесшумно взметнулся вверх по лестнице.

Девушка опустила глаза, раскрыла ладонь. В ней блеснул зеленою довольно большой нефритовый крест, испещренный глубокими золотистыми прожилками. Чуть расширяющаяся к краям перекадина, отверстие колечком наверху, шарик внизу. Невероятная драгоценность – не так-то просто выточить подобное украшение из твердого как сталь камня. К тому же нефрит – очень восприимчивый к заклятиям материал, из него получают прекрасные амулеты.

Чародейка пожалела, что не спросила имени шамана. Такие подарки требуют ответной награды, достойны долгого покровительства. Впрочем, не последний раз, вестимо, видятся! Встретит она еще этого тотемника, ответит добром на доброту.

Однако дела не ждали. Хозяйке требовалось закончить обход своего дома. Девушка решительно крутанулась и отправилась в затянутый широким навесом из шкуры змееголова угол двора, из которого доносились пряно-мясные ароматы.

Митаюки считала ниже своего достоинства завтракать с прочими, низкородными сир-тя – однако и к хозяйскому столу тоже присоединялась лишь изредка. Казаки относились к жене своего атамана с большим уважением. Они помнили, кто смог так ловко обустроить поход в дикие земли, что после нескольких кровавых битв ватажники не то что не понесли потерь, но и смогли разрастись в огромную армию, ныне насчитывающую больше тысячи копий. Помнили о закопанных на острове у залива многопудовых золотых идолах, о способности ведьмы заморачивать головы, отводить глаза, становиться невидимой... И, конечно же, помнили о подарках: невольницах, украшениях, личных покаях.

Храбрые белокожие иноземцы Митаюки-нэ уважали, но чародейка предпочитала не перегибать палку. Когда жена атамана присутствует на пирах, иногда хвалит их, говорит здравницы – ей всегда рады. Если она будет сидеть над душой постоянно, напоминая о своем превосходстве, мешая болтать о своих мужских затеях – могут и возненавидеть. Посему ведьма появлялась в трапезной лишь тогда, когда разговор обещал быть важным и интересным. А в обычные дни...

– Завтрак для моего мужа и его воинов готов? – сурово спросила она, входя на кухню.

– Да, госпожа! Да, да... – поспешно склонились перед ней в поклоне стряпухи, набранные в родах тотемников, что первыми примкнули к казачьей ватаге. Они получили в последнем походе больше всего славы и добычи и потому считались самыми преданными из союзников. Подпускать к пище рабынь Митаюки-нэ, понятно, не рисковала. Мало ли – красухи какая-нибудь обиженная сиротка подбросит или желчи гадюки выдавит? Что тогда?

– Все в порядке? Продукты хорошие, приправы свежи?

– Да, госпожа!

– Посмотри мне в глаза! – потребовала чародейка.

Женщина распрямилась, и Митаюки хищно впиалась взглядом в ее темно-карие очи.

Юная ведьма, увы, не умела читать мысли, как ее учительница, злобная служительница смерти Нинэ-пухуця. Однако эмоции чувствовала очень неплохо. Служанку переполнял страх. Страх без малейшей примеси вины. Первое было нормально: несчастная боялась ее, Митаюки-нэ, повелевающую иноземными воинами чародейку. Второе – хорошо. Значит, продукты не испорчены, с блюдами ничего не напутано, никакой отравы, само собой, не подсыпано. Можно не бояться.

Девушка кивнула, позволяя стряпухе расслабиться, но сама положила ладони на головы ее помощниц, прислушалась к их эмоциям, слабо улыбнулась:

– Показывайте, чем будете угощать наших повелителей?

– Вареное мясо волчатника, товлынга, трехрога, – отступив, торопливо заговорила женщина, – луково-морковный соус с клубнями широколиста, копченый окорок...

– Не спеши, – размеренно остановила ее чародейка, извлекла из ножен клинки: длинный граненый стилет и обсидиановый нож. Подошла к котлам. Наколола край мясного куска, провела черным вулканическим стеклом, отделяя ломоть, отправила в рот, медленно прожевала, кивнула.

– Волчатник нежнее, – забеспокоилась стряпуха. – Поперва его отведай, госпожа. Вот здесь, в крайнем котле. Соус горячий... Коруха, зачерпни ложку и подуй, дабы остыл!

Одна из девушек кинулась исполнять приказание, а Митаюки тем временем двинулась вдоль навеса, снимая пробу по очереди с каждого блюда. И к тому моменту, когда проверила

все – соус был уже едва теплым, а сама чародейка – сытой. Чародейка приняла из рук служанки большой черпак, с удовольствием осушила, наслаждаясь остро-пряным соусом, кивнула:

– Я довольна вами, потомки великих нуеров. Вы настоящие мастерицы, достойные похвалы. Отправляйте все блюда в трапезную, казаки уже собираются за столом. Отложите немного соуса, копченого мяса и кусочек товлынга для моих слуг, чуть позже я пришлю Вэ-ако-няра или Сай-Меени... Хотя нет, – тут же передумала она. – Пусть белые иноземцы поедят вдосталь, а моим слугам дадите что-нибудь из того, что останется.

– Да, госпожа, – склонились обрадованные похвалой служанки.

Митаюки-нэ еще со времен Дома Девичества усвоила, что доброе слово часто способно заменить награду материальную. А коли так – зачем тратить на подарки, если можно обойтись несколькими словами и легким воздействием на разум смертных, усиливая в их душах ощущение благодарности и восторга?

Подкрепившись, чародейка пересекла двор и вышла из крепости по подвесному мосту – мимо замерших, втянувших животы привратников, не спеша прогулялась через обширный ратный лагерь, окружающий рубленую твердыню: десятки чумов, костры с кипящими котлами либо просто жарящимся на углях мясом, расстеленные шкуры и кожи, составленные в пучки копыя и разложенные тут и там щиты.

Армия!

Как и ожидала юная ведьма, известия о победах племен, примкнувших к белокожим иноземцам, быстро разлетелись по окрестным лесам и рекам, вызвав зависть у откочевавших родов, – побоявшихся крови и сохранивших преданность старым богам. Теперь очень многие из сбежавших воинов, а то и вождей потянулись к русским острогам, надеясь принять участие в новых походах. Или, вернее, – в будущих грабежах.

Но какая разница, с какой целью мужчина взялся за копье, если он сражается на твоей стороне и выполняет твои приказы?

Воины, завидев жену белокожего атамана, еще издали торопливо вскакивали, склоняли головы, громко желали ей благополучия и хорошего дня, стараясь привлечь на себя внимание девушки. И это уважение, преданность, всеобщее почтение ласкали сердце Митаюки, словно поливая ее душу сладким медом.

Кто бы мог подумать, глядя со стороны, что хозяйка всех этих земель и людей по всем законам и обычаям числится всего лишь рабыней северных дикарей?

Однако учению смерти нет дела до людских правил. И потому достойная ученица всеми проклинаемой колдуньи повелевала, а не пресмыкалась!

Чародейка миновала лагерь, миновала стоянку тотемников из селения храброго Торхада, ставших одними из первых казацких союзников, и по узкой тропинке ушла в густой кустарник. Воины многозначительно переглянулись. Они привыкли к почти ежедневным визитам супруги самого главного белокожего вождя, но никак не могли привыкнуть к тому, чем они заканчивались. Правда, Митаюки-нэ попросила их никому об увиденном не рассказывать. И верные соратники честно молчали.

Буквально просочившись через заросли, девушка вышла к самому срезу воды, опустилась коленями в рыхлый песок, глубоко вздохнула и полуприкрыла глаза, чуть разведя руки ладонями вверх.

Ничто не дается просто так. Даже колдовские способности. И потому каждое утро не меньше часа чародейка посвящала повторению упражнений, которым научила ее старая Нинэ-пухуця. Митаюки-нэ слушала окружающий мир, дышала им, внимала, пропитывалась, пока не становилась его частью; пока не начинала его видеть глазами парящих над деревьями драконов, слышать ушами затаившихся среди ветвей белок, обонять носами роющих землю кротов. Иногда она концентрировала внимание на ком-то из животных и вынуждала их изменить полет

или перепрыгнуть с ветки на ветку. Не потому, что чего-то хотела, а просто для развлечения. К тому же чем чаще она так поступала, тем легче ей удавалось овладевать чужим сознанием.

Но главным было не подчинять своей воле глупых зверюшек, и даже не умение сливаться с окружающей природой, водами и ветрами до такой степени, что никто не мог различить девушку в самом прозрачном воздухе, даже стоя в двух шагах. Главным было именно осознание происходящего вокруг как части самой себя. Чувствовать появление опасных гостей – хоть зверей, хоть воинов – еще в полудне пути с такой же легкостью, с какой смертные ощущают прикосновение чужих пальцев к своему запястью; понимать, что за чувства переполняют разум людей или животных, и даже предчувствовать перемены погоды или волнение вод.

Многое, очень многое доступно ведьме, научившейся единению с природой!

Митаюки-нэ покидала уединенную полянку именно в этом, измененном состоянии. Она звучала как слабый утренний ветерок и шелест листвы, она пахла дымком и прелой хвоей, она выглядела... Нет, она была бликами на воде, тенями качающихся веток, мелькающими в воздухе стрекозами и жуками, и потому ее никто не видел.

Девушка вернулась в острог тем же путем, каким вышла из него, скользнула между людьми невесомой тенью через лагерь, подвесной мост и двор, поднялась к себе в покои, осторожно протиснувшись между слугами, и только в спальне тихонько кашлянула, разрывая тонкое чувственное совпадение себя и окружающего мира. Затем вышла и величаво кивнула:

– Вэсако-ня, Сай-Меени, вы мне пока не нужны. Ступайте на кухню, вас накормят.

Она слабо улыбнулась наполнившему слуг изумлению и вернулась обратно в просторную опочивальню, с размаху упав на перину.

Ее очень забавляло это постоянное удивление смертных. Вроде как каждый день они видят, что хозяйка часто выходит из спальни, но редко в нее заходит, и каждый раз этому поражаются. Забавляло и радовало. Ведь не только близкие слуги, но и все остальные сир-тя замечали непостижимые их разуму способности правительницы. Вот пусть и знают о ее тайном могуществе!

– Ты здесь, девочка моя?

Митаюки тихонько простонала.

– Что с тобой, милая?! – Грохнула створка двери, казак влетел в опочивальню, склонился над ней: – Тебе плохо? Мутит? С ребенком что-то?

– Все хорошо, любый. Задремала... – блаженно потянулась чародейка и закинула руки ему за шею. – Как же хорошо видеть тебя рядом при пробуждении!

– А я уж спужался... – Матвей Серьга крепко поцеловал жену, и Митаюки блаженно сомлела в объятиях любимого гиганта, потерлась щекой о его курчавую бороду, попыталась подтянуть ближе. Но белокожий дикарь, похоже, не заметил слабых жениных стараний, чуть отодвинулся, провел ладонью по животу: – Как наш мальчик?

– Что ты заметишь, коли ему и месяца еще не набралось? – рассмеялась юная ведьма. – Но ты можешь попытаться сделать второго. Еще не поздно!

– Девочка моя, – снова обнял жену атаман, и чародейка ощутила колебания в его душе. Матвей и желал ее, и опасался... – Ну, мы тут сговорились на охоту отправиться. Ибо припасы убывают зело быстро, а острог с пустыми амбарами считай что безоружен.

Митаюки поняла, чего именно боится ее непобедимый мужчина. Раз сговорился с сотоварищами – то, задержишь он малость, кто-то может заглянуть в комнаты без спроса, помешать их ласкам. И с сожалением отпустила его шею.

– За озеро отплывем и вверх по Репейке на пять верст, – виновато вздохнул Матвей. – Там у болота местные охотники спинокрылов намедни видели. Двух-трех добудем и обратно... В три дня обернемся.

– Три дня без тебя, любый!

– Но ведь надобно, девочка... – развел руками атаман. – Ты глянь, сколько дикарей округ острога собралось! Их ведь не токмо учить, их всех еще и кормить надобно!

– Скорее возвертайся, Матвей, – попросила Митаюки. – Без тебя на душе пусто.

– Мы быстро, – пообещал казак, поцеловал ее еще раз, несколько раз погладил ее животики ладонью и отступил, снял со стены перевязь с саблей, улыбнулся жене, вышел за дверь... и тут же из дальнего темного угла послышалось смешливое карканье:

– Неужели великие белые иноземцы не знают, что куда проще пригнать зверя к своему дому и заколоть его здесь, нежели отправляться за ним на дальние берега, а потом тащить добытое мясо на собственной спине?

– Для казаков это не работа по добыче мяса, мудрая Нинэ-пухуця, – вступилась за русских Митаюки-нэ. – Для них это развлечение. Найти, выследить, добыть, доставить. Они живут на воде, учительница. Загрузить несколько лодок пищей и отвести к острогу для них труда не составляет.

– Коли баловство, то оно и ладно, – согласилась темнота в углу. – Тебе тогда мешаться ни к чему. Ведаю, стараешься ты, чадо, на успехе своем не почитаешь. А коли ученье в пользу, так и силу на него не жаль потратить.

– Ты вспомнила обо мне, чтобы поделиться частью своей мудрости, великая Нинэ-пухуця? – усомнилась юная ведьма.

– Я пришла потому, мое любимое чадо, – старчески закричала темнота, – потому, что в верховье Северного Ямтанга кто-то снял поющие обереги. Тебе же, дитя, опасности на таком удалении не ощутить. Да и снимал защиту маг умелый, ни один даже не чирикнул.

– Един маг али с ратью?

– Ну, откуда в наших землях рати, чадо? – опять послышался каркающий смех. – Токмо у тебя, умница моя, единственная и есть.

– Тогда чего мне опасаться, учительница?

– Будущего, чадо мое, будущего... – Темнота наконец-то дрогнула, и из нее соткалась невысокая щупленькая старуха, не столько одетая, сколько замотанная в шкуру товыльнга. На голове спутались седые патлы, мало отличимые от покрывающей шкуры шерсти, ноги были сунуты в смотанные куски кожи. Единственное, чего в госте было молодого и горячего, так это глаза. Но разве кто-нибудь заглядывает в глаза ветхим морщинистым бабкам?

Митаюки-нэ, проявляя уважение, торопливо поднялась с постели и поклонилась могучей служительнице зла. А когда выпрямилась – перед ней стояла стройная черноглазая казачка Елена в полотняном сарафане. Через плечо красавицы свисала толстая русая коса.

– Как ты это делаешь, мудрая Нинэ-пухуця? – не сдержала возгласа восхищения девушка. – Научишь?

– Коли научилась ты незаметной становиться, то прочее несложно, – пригладила волосы казачка. – На пустоте уже все, чего ни пожелаешь, рисовать можно. Хоть зверя лесного, хоть красавицу писаную, хоть камень бездушный. Надобно лишь представлять ясно, чего округ ощущаться должно... И ни на миг образа сего из разума не упускать.

Казачка вытянула руку, и та на глазах Митаюки обратилась в сосновый сук, покрытый лохматой коричневой корой, с двумя мохнатыми от иголок ветками на конце.

– Научи... – сдавленно выдохнула юная чародейка.

– Не о том беспокоишься, чадо, – покачала головой казачка. – В порубежье обереги стоят, а у тебя баловство одно на уме.

– И что мне до них? – отмахнулась Митаюки, провела пальцами по шелушащейся коре. – Она и на ощупь шершавая.

– А каким еще дерево быть может? – недовольно буркнула служительница смерти, и сосновый сук снова обратился в девичью руку. – Все же ты размякла, чадо. Вовсе опасности не чувствуешь.

– В верховье Ямтанга? – Митаюки мотнула головой. – Одинокый колдун? Какая от него может быть опасность?

– Крохотный родник, бьющий в лесной чаще, через сотню верст становится полноводной рекой, – назидательно ответила обернувшаяся казачкой ведьма, – а тоненькая стрела, удачно попавшая в тушу, способна свалить огромного дракона. Тебе не о том беспокоиться надобно, как облик менять, а в будущее научиться заглядывать. Дабы чутя, каковая из бед мелкая и сама рассосется, а каковая лавину с места своего сталкивает.

– Ты раскроешь мне сию тайну, мудрая Нинэ-пухуця?

– Для того, чадо, и пришла, – степенно кивнула казачка. – Ибо поняла, что без сего умения тебе далее не управиться. Единственная ты у меня ученица. Коли ты пропадешь, то и учение мое сгинет. Тебе надобно побеждать.

– Я готова, мудрая Нинэ-пухуця!

– Верю, чадо, – кивнула казачка. – Но сегодня нет времени на уроки. Маг уже вошел в верховье. Гадание говорит, что он разрушит твою страну. Я слишком ценю тебя, чтобы не предупредить о таком будущем.

– Проклятье! – Митаюки мгновенно забыла и о чудесных способностях могучей гостью менять по своему желанию внешность, и об обещанных уроках. – Кто это?! Что задумал?! Кому служит?! Как нападет?

– Это очень сильный, но невероятно глупый и самовлюбленный колдун, – ответила Нинэ-пухуця. – Ты с ним встречалась, его зовут Енко Малныче. Служит он белым дикарям, зла им не желает. Плану сложному и опасному в его тупой деревянной голове взяться неоткуда. Но беду он несет с собой страшную. Уж не знаю, откуда она возьмется, но случится. Страна сия твоя, тебе ее и спасать.

– Благодарю тебя за предупреждение, учительница... – Митаюки в задумчивости прикусила губу.

Первым порывом правительницы было послать на перехват отряд из новообращенных воинов, поймать дурного колдуна и спалить на костре, как бесовское порождение... Однако неприятной особенностью всех пророчеств всегда является то, что они предсказывают не просто события, но и результат противодействия им. Уж в скольких, легендах и сказаниях рассказывалось, как предреченное убийство отца сыном случалось только потому, что отец доводил сына до бешенства необоснованными подозрениями, как армии терпели поражения из-за того, что вождь бросал удачную позицию, испугавшись предсказанного разгрома, как бежавшие от предсказанной гибели племена вымирали, откочевывая с мест безопасных в места эпидемий. Рубанув сплеча, можно запросто снести собственную голову. Чтобы не навредить, следовало определить источник опасности и аккуратно устранить именно его, а не крушить все подряд.

Вот только кто способен выполнить столь важное поручение, требующее ума и решительности?

Митаюки-нэ подняла взгляд на старуху и увидела свое отражение: юную узкоглазую курносую красавицу с лицом цвета полуденного песка; большегрудую, широкобедрую, одетую в роскошное платье и укутанную в беличий плащ.

Ну да, само собой... Больше такого дела поручить просто некому.

– Не беспокойся, никто не заметит разницы, – кивнула поклонница смерти. – И если ты справишься за три дня, то мне даже не понадобится подменять тебя на супружеском ложе.

– Я потороплюсь, – пообещала юная чародейка и решительно вышла из спальни.

Глава II

Осень 1585 г. П-ов Ямал

Северный Ямтанг

Три длинные и узкие лодки, сделанные из кожи нуера, натянутой на каркас из упругих ивовых стволов и сшитой сосновыми корнями, стремительно скользили по глади полноводной реки, укрытой от глаз летучих разведчиков кронами плакучих ив и склонившихся к самой воде берез. Пять воинов в каждой, пятнадцать широких лопастей, пятнадцать копий, пятнадцать мечей с обсидиановыми лезвиями, пятнадцать смертоносных палиц с тяжелым навершием из отточенных речным перекатом красных, черных и белых камней.

Законы и обычаи сколько угодно могли считать Митаюки-нэ пленницей, наложницей, рабыней. Однако законы исполняются людьми. Люди знали, кто именно договаривался с вождями рода нуеров от имени белых дикарей, а с дикарями от имени народа сир-тя; люди знали, кто доносил племенам Ямтанга учение о новом боге, совершенно непонятное в устах отца Амвросия, но простое и ясное в пересказе девушки; люди знали, кто проводит долгие ночи в одной постели с великим белокожим атаманом и способен в любой миг поведать ему о каждом что-то хорошее либо что-то плохое. И потому, когда девушка пришла к стоянке рода Тархад и сказала, что ей нужны три лодки и твердые в вере воины, то единственной сложностью стало выбрать нескольких самых крепких бойцов из доброй сотни добровольцев.

И вот теперь чародейка сидела на корме, опустив в воду указательный палец, и прислушивалась к слабому шипению разрезаемой им глади.

Назад утекали излучины и перекааты, омуты и отмели, проплывали лесные заросли и луга, камышовые поля и вцепившиеся узловатыми корнями в обрывы сосновые боры. Время от времени путникам встречались поселки тотемников. И каждый раз с завидной неизменностью между хижинами и водой, словно защищая людей от прячущихся в реке опасностей, на утоптаных полянах возвышались величавые кресты – пахнущие свежим деревом, все еще влажные и белые.

Новая вера распространилась далеко, очень далеко окрест – и Митаюки испытывала законную гордость от понимания столь великого успеха. Ведь это сделала она, только она, превратив обитателей завоеванной земли в преданных слуг собственных поработителей! А поработителей – в своих личных воинов.

Юная чародейка полуприкрыла глаза и отпустила сознание, перестав размышлять и только лишь слушая, вдыхая и выдыхая, обоняя, пропитываясь миром вокруг, привычно растворяясь в нем, и вскоре стала частью этой природы, этих лесов, кустарника, земли и ручьев. Это было блаженство: шелестеть среди ветвей, синеть глубоким небом, переливаться отблесками в болотных окнах, отъедаться листвой, выклевывать червяков, таиться в засаде, отдыхать в траве на просторной, залитой солнцами поляне...

Мир вокруг был счастлив, привычен и уравновешен. Все естественно, все на своих местах, все правильно и неизменно, кроме одного маленького тревожного пустяка. Небольшого пятна, что двигалось строго на восток, не проявляя интереса ни к пище, ни к теплу; излучавшего беспокойство, а не безмятежность.

– Правьте к берегу, – открыла глаза Митаюки. – Справа должен быть ручей. Поднимитесь по нему, сколько получится. Дальше пойдем пешком.

Ручей обманул ожидания девушки – его глубины хватило для лодок всего на несколько сотен шагов. Однако он стал неплохой тропинкой, позволив воинам пройти по руслу, словно по тропе, в самую гущу непролазных зарослей. К сумеркам они вышли на край заросшей рогозом топи, над которой стелился слабый сизый дымок.

– Наш гость совсем рядом, – полушепотом предупредила колдунья. – Помните о вере своей, братья во Христе! Коли тревожно на душе станет, крестик нательный в кулаке сожмите и молитву читайте, какую помните. Близко не приближайтесь, приказа ждите. Но коли кликну, не медлите!

Она двинулась дальше, к огню, на ходу растворяясь в воздухе. Но когда до костра одинокого путника и топчущегося среди кустарника ящера, шумно пожирающего свежую зелень, оставалось с десятков саженей, сидящий спиной к ней мужчина внезапно громко сказал:

– Я чую твою вонь, прислужница смерти. Твои потуги на чародейство смешны и нелепы.

Митаюки скрипнула зубами от злости – Енко Малныче был силен. И даже глупость изгнанника ничуть не ослабляла его врожденного колдовского дара. Однако ответила девушка с показной небрежностью:

– Чуешь меня или двадцать моих воинов? – Громкие слова разорвали ее единение с миром, и юная ведьма, больше не скрываясь, вышла к костру.

– Мне открыто все, порождение зла, – ответил колдун сир-тя, но девушка отлично уловила неуверенность в его словах и чувствах.

Еще бы! Ведь Енко улавливал присутствие только пятнадцати людей. Того, что Митаюки-нэ его обманывает, бродяга своей тупой башкой сообразить не смог.

– Что за нужда принесла тебя в мои земли, Енко Малныче? – остановилась за костром напротив колдуна девушка. – И зачем ты испортил порубежные сторожевые обереги?

Ощутить исчезновение амулета на удалении в три дня пути мог только очень сильный шаман, и Митаюки не преминула намекнуть гостю на свои способности.

– Вот мы и свиделись, рабыня, вообразившая, что может повелевать мужчинами, – повернул палкой угли в костре Енко.

– Свиделись, великий колдун, ничего не добившийся в своей жизни, – ответила комплиментом на комплимент девушка. – Я спросила тебя, зачем ты пришел в мои земли?

Енко Малныче рывком выпрямился во весь рост – сильный и высокий, плечистый мужчина, разменявший четвертый десяток. До Матвея Серьги ему было, конечно, далеко, но тоже неплохой воин. И притом – бездомный бродяга. Так что слова ведьмы попали точно в цель.

– Дело у меня к казакам на восточном берегу, а не к бабам, которых они со скуки тискают! – повысил голос колдун. – Не лезь не в свое дело, жалкая глупая девка!

– Ты знаешь, что у нас общего с тобой, Енко Малныче? – прищурилась юная чародейка. – Мы чужие для родного племени. На свое я обиделась за то, что оно не смогло меня защитить, подвергнув муче и позору, и не желаю в него возвращаться. Ты же изгнанник, приговоренный к сдиранию кожи, и ненавидишь Совет колдунов, не признающий твоего таланта. А знаешь, чем мы различаемся? Следуя своей обиде, я отомстила тем, что завоевала половину родных земель и разрушила святилища обманувших меня богов. Чем же проявил свою ненависть ты, как отплатил за позор и изгнание? Слышала-слышала... – ухмыльнулась Митаюки-нэ. – Ты испортил одному из колдунов пиво! И тому пришлось пить кислую брагу. Ужас-ужас-ужас...

У мужчины заиграли желваки на щеках, зашевелились крылья носа, округлились от бешенства глаза.

– Подумай хорошенько, прежде чем произнести хоть слово, Енко Малныче, – улыбка исчезла с губ чародейки. – Ведь я могу обидеться. И если после твоей обиды мне грозит разве что в кусты лишний раз сбегать, то после моей тебя порежут на куски собственные друзья и будут уверены, что сделали это по твоему желанию.

– Ты угрожаешь мне, потомку древнейшего и могучего из колдовских родов сир-тя?! – прошипел гость.

– Веруешь ли ты в Господа нашего, Иисуса Христа, Енко Малныче?! – повысила голос Митаюки-нэ, и тут даже тупоголовый бродяга почувал, что следующие слова властной девушки могут оказаться для него последними в жизни.

Он запнулся, потом вскинул ладони:

– Я не хочу убивать тебя, поклонница смерти! Вы, злые ведьмы, везде несете смерть и разрушения, гибель и страдания, муки и ужас, доставляя Совету колдунов невероятную кучу проблем. Зачем облегчать им жизнь, избавляя от врагов? Присаживайся к моему очагу, чародейка, раздели со мной кусок жареного мяса. Я могу подманить сюда молодого длинношею, чтобы твои воины тоже хорошенько подкрепились.

– Так зачем ты пришел в мои земли, Енко Малныче? – в третий раз спросила Митаюки, не отвечая на приглашение.

– Да говорю же, я не враг тебе, женщина. Если меж нами и есть разногласия, мы разберемся с ними потом, после исчезновения Совета и гибели его членов. До тех пор, пока существует главный враг, клянусь дочерьми Сииг-Нга-Ниса, я готов не только не искать ссор, ведьма, но и помогать тебе в твоих делах и планах, коли тебе понадобится моя поддержка!

Юная чародейка поняла, почувствовала, что мужчина не врет. Ему не нравились ведьмы, он презирал женщин, не испытывал к ней дружелюбия. Но колдунов – колдунов он бешено ненавидел. И потому готов был даже унижаться – лишь бы причинить им вред. А уж ради шанса уничтожить Совет – согласился бы на все что угодно.

– Поверь мне, Митаюки-нэ, мы друзья, – затянувшееся молчание обеспокоило гостя. – Я помогаю твоему мужу, помогаю воеводе с острога. И иду к Матвею Серьге с важным поручением...

Девушка вопросительно вскинула брови. Енко Малныче вздохнул и продолжил:

– Большая лодка, на которой белые дикари приплывали к вам минувшим летом, утонула. Посему вождь ихний, Иван Егоров, дабы связи больше с сотоварищами не терять, задумал от Троицкого острога, что на западном берегу, к острогу твоему, восточному, торный путь проложить. Вот с сим посланием я и иду. Кто еще без опаски сквозь земли сир-тя скоро проскользнуть способен? Я даже слуг своих не прихватил, на берегу оставил, так поспешал. Видишь, верхом скачу. А они бы пешком плелись. Втрое дольше путь бы получился...

– Дикари задумали проложить дорогу через весь Ямал?! – не поверила своим ушам юная чародейка. – Через все леса и топи?

– Все куда проще, чем кажется, – снисходительно усмехнулся Енко Малныче. – Варанхай почти до середины земель сир-тя дотягивается, до его истоков отсель всего три дня пути. Ямтанг тоже от центра земель течет. Между верховьями от силы полдня неспешной прогулки. Вот и полагает воевода Егоров путь весь по рекам разметить, а между истоками волок прорубить. Дабы на лодке до него скоро подняться, там за день али два по суше переволочь и снова на воду спустить. Вот и вся недолга! И не будет никакой нужды через окиян ледяной пробиваться, берега холодные огибать. Весь путь через теплые земли проляжет!

Колдун рассказывал об этом плане с такой гордостью, словно придумал его сам, а не услышал от русского атамана.

– Тарсай-няр, становитесь на отдых, – распорядилась в темноту чародейка. – Наш гость поможет вам с добычей. Но дозорных выстави обязательно! Места здесь неспокойные, и даже я могу что-нибудь не заметить.

– Нам вовсе незачем ссориться, Митаюки-нэ, – с облегчением выдохнул Енко Малныче. – Ведь мы добиваемся одной и той же цели! Нам нужно помогать друг другу, а не враждовать. Вы, я полагаю, на лодках?

– Ты можешь отпустить своего пернатого скакуна, – поняла его мысль юная ведьма. – Ломиться через чащобы верхом слишком долго. Дней пять, не меньше. На веслах же спустимся к острогу уже завтра. И да, ты прав. Нам нет смысла ссориться. Пока существует Верховный Седэй, Совет колдунов – давай попытаемся дружить.

Глава III

Осень 1585 г. П-ов Ямал

Новый острог

– Видеть будущее несложно, чадо мое. – Казачка Елена, сидя на корявом корне по колено в воде, приглаживала сплетенные в тугую косу волосы и то превращалась в низкую и седую дряхлую старуху, то обратно оборачивалась – статной высокой девушкой. Ведьма словно колебалась, в каком виде ей удобнее вести урок – в своем истинном обличье либо в приятном глазу образе.

Митаюки это было совершенно все равно – ведь их никто не видел. Ради познания новой мудрости девушка специально отплыла от острога на небольшой каменистый остров, поросший густым ивняком, а преданные слуги, оставшись на противоположной стороне, следили, чтобы их госпожу не потревожили случайные рыбаки или путники.

– Ты поняла, чем опасен Енко Малныче твоему царствию? – внезапно спросила старая ведьма.

– Нет, мудрая Нинэ-пухуця, – пожала плечами девушка. – Он искал моей дружбы и старательно служит казакам. У него нет желания вредить нашим планам. Мне пару раз хотелось приказать воинам убить его, но я подумала, что как раз смерть гонца может вызвать ссору между русскими и междоусобицу, и оставила все как есть.

– И где он сейчас?

– В бане, учительница. Белокожие дикари любят париться и пировать по каждому поводу. Пока они веселятся, у тебя есть время рассказать мне о хитростях пророческого мастерства.

– Ты знаешь, какие у него планы?

– Да, мудрая Нинэ-пухуця, – кивнула девушка, – знаю. И постараюсь их расстроить. Тебя что-то беспокоит?

– Да, чадо, – покачала головой старуха. – Меня беспокоит, что грядущее зависит от столь жалкого и никчемного существа, как глупый Енко. И что на него совершенно не способна повлиять даже такая умная девочка, как ты.

– Совсем? – насторожилась Митаюки.

– Есть будущее предопределенное, неизбежное. – Старуха провела ладонями по морщинистому лицу. – Такое, как смена дня и ночи либо наступление зимы. Есть то, на что ты способна повлиять. Например, размер поленицы возле твоего дома. Самое сложное для смотрящей в будущее ведьмы – это отличить одно от другого. Ибо к первому можно только приспособиться, а второе несложно поменять для своего удобства...

– Но увидеть-то как?! – не выдержала долгого пустословия Митаюки.

– А ты дыши, дыши, – посоветовала старуха. – Слушай, обоняй, становись частью. Ибо тому, кто не видит настоящего, грядущее тем паче не откроется. Никак не откроется... Никому не откроется... Лишь легконогой стремительной Кальм, дочери Нум-Торума, посланнице его, дано обежать и прошлое, и настоящее, и будущее, оставив свой след и там, и возле нас. Что она в грядущем увидела, то от глаз ее в настоящем отразилось. Посмотрит она на воду, посмотришь ты на воду – ан одно и то же и различили. О ней думай, чадо мое юное, о ней думай, о ней пой, в такт шагам ее качайся... О быстроногая Кальм! Беги-лети, легок твой шаг, беги-лети, беги-лети, легок твой шаг... – монотонно завывала Нинэ-пухуця, раскачиваясь вперед и назад.

Митаюки-нэ старательно повторяла странную однообразную молитву, точно так же раскачиваясь и тоже полуопустив веки. Вскоре она стала испытывать странное наваждение, словно бы не сидела на берегу, а пребывала в некоем полусне; сидела на берегу – и одновременно мчалась над землей легким стремительным шагом.

– Где он?.. – вкрадчиво прошептала над ухом поклонница смерти, и внезапно девушка увидела совершенно голого Енко Малныче, стоящего с ковшом над большим бочонком с чем-то пенистым. Волосы его были влажными, по лицу и телу стекали струйки пота.

– Переход там длиною с ваше озеро, – говорил колдун не менее мокрому, но прикрытому простыней Гансу Штраубе. – Воевода сказывал, проще всего пару воротов поставить. Да острог небольшой срубить, дабы припасы под присмотром оставались и сесть на пути внезапно никто бы не смог...

– Фу, какая гадость! – тряхнула головой девушка, и наваждение исчезло.

– О чем помыслы, то и созерцаешь, – ответила Нинэ-пухуця.

– То не мои помыслы, а твои! – недовольно буркнула девушка. – Ты меня колдуном сим заболтала!

– Можно заболтать, можно по крови али волосу след взять, можно самой захотеть. Хоть в будущее заглянуть, хоть в прошлое, – наставительно ответила злая ведьма. – О том тебе и поведала. Теперь на предмет попробуй... – Казачка Елена кинула ей влажный сучок. – Что с ним через пять лет станется?

Митаюки, зажав палочку между ладонями, запела, закачалась, с легкостью провалившись обратно в полудрему, пошла по следу Кальм в поисках сучка и... И увидела лишь снежные поля, выюгу, ледяные торосы.

– Вестимо, в море унесет, – открыла глаза юная чародейка. – На север куда-то, в вечные льды.

Казачка многозначительно усмехнулась, расковыряла пальцем ноги песок возле берега и закопала палочку в него.

– А если я поступлю так?

– Так... Не унесет... – неуверенно сказала Митаюки, и по ее коже пробежал неприятный холодок. – Ты изменила будущее?

– Или? – склонила голову набок казачка.

– Или торосы будут здесь независимо от нашего желания... – одними губами прошептала чародейка. – Неужели это сделает глупый Енко?

– Я гадала на перо сойки и рыбу кровь, – пожала плечами Нинэ-пухуця. – Искала начало кошмара. Духи показывают на него.

– Может, его все-таки убить? – предложила девушка.

– Зачем? – не поняла казачка. – Наше учение почитает смерть как начало всего. Глупый колдун стал ее орудием. Я лишь хочу понять, как именно он принесет нам победу?

– Ты говорила, он разрушит мою страну! – напомнила Митаюки. – Но я увидела смерть всего живого!

– А ты полагаешь, твое царствие способно уцелеть среди всеобщей смерти? Или ты не считаешь эти земли своими?

Девушка потеряла виски:

– Прости, мудрейшая. Кажется, я неправильно тебя поняла. Но что нам теперь делать?

– Не позволить тупоголовому Енко Малныче присвоить нашу победу! – решительно отрезала казачка.

– Как?

– Перво-наперво понять надобно, в чем опасность одного чародея. А опосля от него избавиться, дело же в свои руки прибрать. Ты девочка умная, ты сию загадку раскусишь.

Митаюки-нэ внезапно сообразила, что старая ведьма появилась в остроге вовсе не потому, что вдруг обеспокоилась судьбой своей ученицы и ее завоеваний, и не потому, что остро возжелала передать ей еще одну толику своих знаний. Нинэ-пухуця пришла к девушке потому, что не смогла разгадать тайну Енко Малныче сама. Поклонница смерти ощущала грядущие перемены и желала оказаться во главе событий. И собиралась воспользоваться для своих целей умениями юной чародейки.

Митаюки поняла, но не обиделась. Так уж устроен мир, что всем друг от друга чего-то нужно. Хочешь чего-то добиться – умей делиться своими богатствами, дабы получать в ответ толику чужих сокровищ. Нинэ-пухуця хочет узнать через девушку секрет колдуна – пускай. Юная чародейка ей поможет. Но в ответ пусть учит – учит умению проникать взглядом в будущее и прошлое, вытягивать нити событий, смотреть через стены и расстояния. Мудрость прислужницы смерти велика и совершенно не похожа на учение Дома Девичества, на уроки старых колдуний из селения Митаюки-нэ. Родовые ведьмы заставляли своих учениц зубрить заклинания и руны, полагаться на амулеты и выпадающие на пути приметы. Нинэ-пухуця учила полагаться на себя, на внутреннюю силу и изменяться, чтобы либо раствориться в природе – либо, вслед за собой, изменить и незыблемый, казалось бы, внешний мир.

Может быть, именно поэтому чародейка верила смерти куда сильнее, нежели заветам могучих предков, зажегших в небесах второе солнце?

* * *

Казачи гуляли с гостем три дня. Первый день «раскручивались», на второй еле шевелились, хмельные до изумления – причем пирушки не прерывали! На третий – страдали похмелем, обжорством и усталостью.

Понятно, что все это время Митаюки-нэ своими мыслями и вопросами их не беспокоила – за полной бесполезностью бесед с пьяными или похмельными мужиками. Она терпеливо ждала, пока дикари придут в себя, время от времени осторожно прощупывая сознание мужа и ближайших его сотоварищей.

Уже собираясь ко сну, девушка привычно скользнула своим внутренним взором по чувствам засыпающих казаков – и внезапно провалилась в горячую бездну, в страстный чувственный колодезь. Мягкие сладкие губы коснулись ее губ, в то время как горячие ладони ласкали грудь, плечи, гладили волосы; еще губы целовали живот, грели бедра – и лоно полыхало, отвечая осторожной нежности. Казалось, все тело, от пяток до кончиков волос, тонет в этой вкрадчивой неге, то содрогаясь от волн нарастающей страсти, то безвольно проваливаясь в бездонную невесомость и снова скручиваясь спазмами от сладких судорог.

Соприкосновение разумов оказалось столь плотным, что несколько долгих минут Митаюки-нэ явственно ощущала на себе ласки многих рук, поцелуй трех ртов, щекочущее прикосновение волос, невыносимое из-за жестокого вожделения, из-за желания взорваться, выплеснуть накопившуюся страсть, и невозможности взрыва, ибо ласки были умелы и оттягивали, оттягивали миг облегчения, удерживая жертву на самой его грани...

Чародейка не сразу сообразила, что оказалась невольной визитершей в постели Ганса Штраубе, а когда оборвала эмоциональную связь – ее уже бросило в пот, и девушка горела от желания. Настолько сильного, что рывком расстегнула пояс, выскользнула из одежды, сдернула одеяло со спящего мужа и сильным рывком опрокинула его на спину. Рука ее скользнула вниз, и вместе с ней прокатилась такая волна вожделения, что тело мужчины отреагировало на грубую ласку еще до того, как Матвей проснулся. Митаюки-нэ оседлала его, словно скакуна, крепко сжала коленями, как бы понукая, наполнила жертвой свое лоно, сильными толчками добиваясь уже почти невозможного, застонала от бессилия – и наконец очнувшийся, открыв-

ший глаза супруг чуть не испуганно крепкими руками схватил ее за плечи, тоже застонал и... И взорвался!

Митаюки облегченно обмякла и свалилась в сторону.

– Всегда бы так пробуждаться... – со смешком выдохнул атаман. – Никак понять не мог: сплю или не сплю? – И тут же встревожился: – А как ребенок? Ему сие наше непотребство не повредит?

– Не беспокойся, милый, – закрыла глаза чародейка. – О малыше я помню и беспокоюсь в первую очередь. Даже малого риска не допущу! Однако не оставлять же тебя без ласки женской на полные девять месяцев? Али надеялся в ином месте сладости найти?! – Юная прелестница перекатилась, навалилась грудью на грудь мужа, угрожающе схватила тонкими пальчиками его широкое смуглое горло. – Отвечай!

– Пока не знаю, а там видно будет, – вяло пробормотал Матвей.

– Что-о?! Ах ты... – В порыве ревности Митаюки попыталась супруга задушить. Но как ни давила пальцами на шею, смогла лишь слегка промять кожу. – Я вышла замуж за бесчувственную корягу!

– Да шучу я, шучу, – с улыбкой сграбастал ее в охапку казак и крепко поцеловал. – Одна ты такая на белом свете, что сердце мое пробудила. Раньше мне все равно было, кого тискать, ныне же лишь тебя хочу рядом видеть. Потерплю полгодика без ласки. В походах и далее обходиться доводилось.

– Так бы сразу, – с облегчением перевела дух Митаюки и пожаловалась: – Я чуть все пальцы о твою шею не переломала!

– Неужели так больно? – Матвей Серьга притянул ее ладони к губам и несколько раз поцеловал.

Могучий белокожий демон, бесстрашный, злобный и непобедимый, который у нее на глазах дрался, стоя по колено в крови, один против десяти воинов, безжалостно кроша кости, копья и черепа, нежно целует ее пальчики!

От этого зрелища Митаюки опять испытала наплыв вожделения, опустила лицо, зарывшись им в бороду, потом поцеловала щеки, брови... И поняла, что дикарь опять спит.

– Предатель... – Девушка отступилась, слезла с постели, накрыла мужа одеялом. – Тогда я пойду прогуляюсь, воздухом свежим перед сном подышу.

Атаман, сладко посапывая, не ответил.

Чародейка вышла из опочивальни в просторную светелку, в которой нередко собирались вожди сир-тя и казаки для обсуждения ратных дел и хозяйственных хлопот, обогнула стол и остановилась возле груды мехов, сваленных в углу.

Меха зашевелились, над ними поднялись две головы.

Вэсако-няр и Сай-Меени, служа хозяйке здешних земель, проводили бок о бок все дни и ночи. Немудрено, что молодые люди вскорости стали и спать в одной постели. Природу не обманешь.

– Передай немцу, что я жду его на озерной стене, – указала пальцем на паренька Митаюки.

– Ночь, госпожа... – неуверенно ответил телохранитель.

– Он не спит, – сообщила чародейка и, набрасывая на плечи меховой плащ, вышла на гульбище. Не спеша прогулялась по бревенчатому настилу, окружающему внутренний двор на высоте в полтора человеческих роста, поднялась на стену, тянущуюся вдоль берега, прищурилась на водный простор, разрезанный надвое желтоватой дрожащей дорожкой, что вытянулась от полной луны куда-то за острова.

– Я рад, что ночами вы думаете обо мне, ваше величество, – бесшумно подкрался к ней Ганс Штраубе и низко поклонился, взмахнув шляпой над самым полом. – Это известие вселяет надежды и согревает мою истерзанную душу.

Одет немец был лишь в тапочки, шаровары и рубаху, однако шляпы не забыл.

– Перестань, воин, – довольно улыбнулась Митаюки-нэ. – Ты отлично знаешь, что я люблю своего мужа и никогда ему не изменю. Я подарила тебе трех умелых в ласках невольниц. Чего тебе еще желать?

– Это всего лишь рабыни, ваше величество, – опять склонился капитан. – А вы королева!

– Будет случай, подарю тебе королеву, – пообещала чародейка. – О чем вы доболтались с Енко Малныче за время своей пьянки?

– Мы проложим теплый путь от Троицкого острога воеводы Егорова к нашему.

– Ты обещал этому помешать, – укорила немца девушка.

– Я пытался, Митаюки. – Шутки кончились, и Штраубе перескочил на «ты». – Но пойми, они же друзья! Казачья ватага – это не сводный гренадерский полк и не созданное помещным приказом ополчение. В ватаги в свою охотку сбиваются. Кто кому люб – в одну ладью садятся, а кто кому не по сердцу – в разные. Все казаки, кто с Иваном Егоровым в походе, дружны меж собой и порознь быть не хотят! Я понимаю, тебе не по нутру, что муж твой опять воеводу станет слушать, а не твоим советам внимать. Да токмо не беспокойся напрасно. Пять ден пути меж нами выйдет! Тут с приказами не набегашься. Как ни крути, а земли наши все едино наособицу останутся!

– Чему быть, того не миновать, – смирилась с неизбежным чародейка. – Пусть будет дорога.

– Колдун послезавтра обратно поскачет, – оживился Ганс Штраубе, поняв, что укоров и наказания от реальной правительницы севера не будет. – Мы же порешили племена наши исполчать и где-то недели через две навстречу казакам воеводским выступим...

– Кого исполчать? Куда? Зачем? – опешила Митаюки-нэ.

– Воевать... – пожал плечами немец. – С племенами непокоренными, что по Варанхую обитают. Ударим всей силой, чтобы уж наверняка!

– Да вы обезумели, вожди! – схватила за голову чародейка. – Али браги с вином в парной перепили? Все эти племена токмо ждут и видят нам поскорее сдаться, дабы вместе с тотемниками в походы успешные ходить, добычу делить да девок чужих насиловать! Зачем с ними воевать? Пальцем поманить – и хватит!

– Енко Малныче сказывал, враждебные племена, – неуверенно ответил немец. – Он через их земли шел, гостевал, своим прикидывался, речи разные вел. Уверен, биться с чужаками готовы, покуда сердца бьются и кровь в жилах течет!

– Все они на битву готовы, пока стрелы не свистят, в чуме тепло и пива хватает, – презрительно скривилась молодая ведьма. – Да токмо все окрестные народы знают, как нуеры с белокожими союзниками в три дня Верхний Ямтанг от соседей зачистили и разгромили армию южных племен во главе с верховными вождями и шаманами, а потом захватили все их селения и города! Полагаешь, они не догадываются, что их перебьют с такой же легкостью? Думаешь, племена Варанхая хотят лишиться своих домов, скитаться нищими и голодными? Считаешь, их воины мечтают сдохнуть на болоте, а их девушки надеются стать наложницами тотемников? Перестань, Ганс! Все, что им нужно, так это повод сдаться без особого позора. Маленькие племена, маленькие мечты. Коли всех не истребят и сильно не ограбят, так большего им и не надобно.

– Хочешь повторить старую игру? – прищурился Ганс Штраубе. – Ты, я, отец Амвросий и винтовальная пицаль?

– Ныне можно поступить проще, – покачала головой девушка. – Сотню воинов из рода нуеров вместо казаков с пушками, мой нефритовый крестик вместо священника, ты и винтовальная пицаль. Полагаю, вполне управимся. И даже капли крови не прольем.

– Хорошо хоть, меня не вычеркнули, – усмехнулся немец.

– Без тебя, мой храбрый рыцарь, я как без рук. – Митаюки-нэ приблизилась к капитану, ласково провела пальцами по его щеке.

Штраубе повернул голову, коснулся пальцев губами:

– Я могу надеяться на награду, ваше величество?

– Разумеется, Ганс... – Девушка приблизила лицо к его лицу почти вплотную и пообещала: – Золотом.

– Опять золотом? – поморщился наемник.

– Ты ведь пришел сюда за ним? – с усмешкой отступила чародейка. – Воинов для похода я подберу сама, если ты не против. Ты еще не успел обзавестись любимчиками среди сир-тя?

– Мои мысли только о тебе, – ответил новым комплиментом Штраубе, но уже без особого вдохновения.

– Ты устал, друг мой, – поняла его Митаюки. – Иди отдыхай. Ты нужен мне крепким и остроглазым. Вдруг твоя пищаль все-таки понадобится? Завтра я пришлю тебе бодрящего зелья. Оно противное, но хорошо очищает тело от заразы.

– Тогда до завтра, Митаюки-нэ, – кивнул капитан. – От лекарства после нынешнего веселья я точно не откажусь.

* * *

Преданных слуг невозможно найти. Никто не рождается телохранителями или горничными, готовыми отдать жизнь за свою госпожу. Верных слуг можно только создать. Либо обратиться в покорных, послушных рабов-пленников – с помощью колдовства, отняв разум паучьим заклинанием, либо связав клятвой на крови мертвеца. Но проще – подманить диких мужчин, подходящих воспитанием и помыслами, и приручить подарками, ратной славой, возвышением, похвалой. И тогда свободолюбивые воины лесов становятся послушными и беззаветно верящими смертниками... Как это уже случилось с вольными нуерами из селения умного и храброго Тархада.

Половину своего отряда Митаюки-нэ составила из них, тархадцев, ведомых хорошо обученным, дисциплинированным Тарсай-няром. Ради второй половины не поленилась обойти весь раскинувшийся вокруг острога обширный лагерь тотемников, пока не высмотрела знакомое узкоглазое лицо цвета обожженной в огне глины. Мужчина, подаривший ей нефритовый крест.

Бывший шаман тоже узнал правительницу, поспешил навстречу, низко поклонился:

– Приветствую тебя, великая Митаюки-нэ, любимица Иисуса Христа и всех его младших богов!

– Младших богов Иисуса полагается называть святыми, – мягко поправила его девушка. – Если ты оговоришься при отце Амвросии, он сильно разозлится. Белые дикари очень внимательно следят за титулами богов и смертных.

– Благодарю за совет, великая шаманка. Я буду внимателен.

– Как тебя зовут, воин? – Чародейка обвела взглядом стоянку из плотно собравшихся наособицу шести чумов. Если в каждом ночевало пять-шесть мужчин, то три десятка копий у здешнего вождя имелось. Неплохо, неплохо. Три десятка там, три десятка здесь... Глядишь, и половина воинов уже служит ее желаниям, а не приказам вождей и воевод.

– Нахнат-хайд, госпожа.

– Я отправляюсь в кровавый поход, Нахнат-хайд, – сообщила шаману Митаюки. – Готов ли ты пролить свою кровь рядом со мной?

– Почту за честь, госпожа! – искренне обрадовался сир-тя.

– Выступаем послезавтра на рассвете. Приготовь лодки и припасы на два дня.

– Будет исполнено, великая шаманка! – клятвенно вскинул кулак к груди воин сир-тя.

Что же, первый шаг сделан. Вождь смог обратить на себя внимание, Митаюки нашла для него поручение. Теперь все зависело от того, останется ли правительница довольна старанием и исполнительностью новых сторонников, а сир-тя – полученной наградой. И тогда либо воины станут еще одним отрядом приближенных, преданных ей слуг, либо... Либо растворятся в общей безликой толпе.

Убедившись в том, что сделавший подарок человек действительно искал ее внимания и покровительства, а не принес хитрый поклад, отравленный ядом или заклинанием, не таил злобы и ненависти, Митаюки снова извлекла зеленый крестик с золотистыми прожилками, внимательно его осмотрела в поисках не замеченных сразу символов или рун, попыталась ощутить исходящую от него энергетику, но ничего не обнаружила. Украшение было пустым, девственно чистым, изготовленным только для нее.

– Неужели просто повезло? – неуверенно пробормотала она. – Нефритовый амулет поклоннице смерти ко дню мертвых? Или это знак? Послание духов нижнего неба?

Каждый год в землях сир-тя наступало время мертвого солнца. Дни, когда над благодатной страной, созданной древними могучими магами, оставалось сиять только одно, колдовское, светило. А живое, переменчивое – уходило за горизонт и многие дни вовсе не показывалось на небосводе.

Все колдовские учения, и мужские и женские, учения всех племен и всех земель говорили про эти мрачные дни одно: это время торжества Куль-Отыра, Сиив-Нга-Ниса, его дочерей и всех духов нижнего мира. Время, когда все зло подлунного мира празднует свою победу. Это время, когда самые злые колдуны могут творить свои самые мрачные заклинания.

После принятия учения поклонницы смерти, злобной Нинэ-пухуця, она, Митаюки-нэ, тоже стала черной ведьмой. И завтра, в первый день времени мертвого солнца, наступали часы ее наивысшего могущества.

К празднику своему чародейка подготовилась со вполне понятным старанием. Из острога отъехала на остров, чтобы никто из искренних новообращенных христиан случайно не застиг ее за колдовским обрядом, заранее припомнила и пробно начертала все необходимые символы. Велев слугам развести костер и приготовить побольше углей, она взяла небольшой кожаный мешочек и отошла ближе к воде. Выбрала на пляже тихое место меж двух крупных валунов и решительно провела две горизонтальные линии, на одной из которых начертала имя Нум-Торума, повелителя верхнего мира, а на другой – Куль-Отыра, повелителя нижнего. Добавила линии от краев миров к центру противоположного – и у нее получились два треугольника, своими остриями упирающиеся в основание друг друга.

Пространство между нижними и верхними мирами. Место жизни.

Добавив сюда для ясности знаки ветров, света и воды, чародейка развязала мешок, достала горшочек, перевернула, вытряхнув красноголовую, смертельно ядовитую торфяную гадюку.

Змея попыталась улизнуть под камень, но девушка ловко поймала ее за хвост, резко подняла, встряхнула, перехватила за голову, крепко сжала, вынудив открыть рот, прижала клыками к краю перламутровой створки ракушки-перловицы, выдавила капельку яда, опустила обратно в мешок, туго замотала горловину и прижала сверху камнем.

Затем сходила к слугам, к жарко полыхающему костру, выкатила из него в горшочек четыре крупных березовых уголька, вернулась к камням, вытряхнула угли, палочкой разложила в положенные места: один – в уголок над верхним миром, второй – в уголок над нижним, два других – по сторонам над миром живых. Сосредоточилась, вдыхая и выдыхая, слушая, осязая и обоняя.

Данный обряд не требовал полного и безусловного единения чародейки с природой, но мудрая Нинэ-пухуця приучила свою ученицу к этому упражнению столь умело, что единение с миром стало для Митаюки-нэ естественной потребностью.

– Водами текучими, ветрами летучими, травами земными, тварями лесными заклинаю вас, духи мира нижнего, мира верхнего, мира живого! Услышьте меня, духи, в день победы темноты над светом, в день торжества зла над глупостью, страха над ленью! Услышьте меня, ведьму смерти именем Митаюки-нэ, в день мертвого солнца, мертвого света, мертвого тепла! Меня, чародейку рода сир-тя, дочь магов, сотворивших мертвое солнце для мертвой земли! Я создала мир малый по образу мира большого, с двумя солнцами, двумя землями и тремя мирами. Волею предков моих повелеваю духам земным, небесным и нижним, войти в мир малый, ровно в большой. В день мертвого солнца, торжества предков моих над холодом земным повелеваю богам великим войти в мир малый и принять его ровно большой!

Разложенные на песке угольки затрещали, задымили, отчаянно пытаюсь изобразить из себя два светила мира живых и светила верхнего и нижнего мира. Это могло означать только одно: ведьму услышали, и сотворенный ею мир начал оживать. Митаюки торопливо положила нефритовый крестик в самый центр изрисованного ею пространства, быстро поставила по сторонам от него знаки двух высших богов и их жен, проговорила, проведя ладонью над украшением:

– Мир малый да войдет в камень зеленый, как великие небеса в капле малой отражаются, и пусть отражение от камня зеленого мир великий подобием своим сотворит. Пусть в миру великом, как в малом Калтащ-эква поглотит каждого, кто возжелает вреда сыну моему, хоть до рождения, хоть после появления его на свет... – Митаюки посыпала нефритовый крестик песком. – В день мертвого солнца повелеваю властителю света! Пусть в миру великом могучий Нум-Торум, хранитель жизни, заберет жизнь любого, на меня посягнувшего, как я жизнь сего существа забираю! – Чародейка вытряхнула из мешка красноголовую гадюку и стремительным рывком сломала ей шею. – Пусть великий Куль-Отыр, хранитель смерти, высосет кровь из каждого, возжелавшего мне зла, как я высасываю кровь из этого тела. – Оторвав голову змее, девушка, сколько смогла, втянула в себя кровь из маленькой шеи. – Пусть вездесущий дух Аутья-Отыр донесет до каждого, сотворившего супротив меня черное колдовство, этот яд, в мой мир добавленный. – Она стряхнула капельку яда с ракушки перловицы на нефритовое перекрестье. – Пусть пупыхи, духи вездесущие, пожрут каждого, кто беды принесет семье моей и мужу моему Матвею, как я пожираю сию плоть. – Чародейка надкусила змеиную тушку. – Пусть жестокая Суур-эква принесет ему удачу в бою и обережет от ран тяжелых, как я всегда старалась уберечь. И пусть добрая Хотал-эква не оставит меня своим теплом и принесет мне удачу...

Все! Семь заклинаний, семь оберегов, семь защитных проклятий. Больше нефритовые амулеты принять, увы, не способны.

– Да сохранится большой мир в малом, да исполнят великие боги волю смертной, да сохранится день мертвого в амулете сем до последнего моего земного выдоха... – Произнося завершающие обряд слова, Митаюки круговыми движениями, от краев к центру, стерла свой рисунок, закопав угли в песок, пока наконец в центре не остался только зеленый нефритовый крестик. Последним движением чародейка закопала и его, немного выждала, затем быстро выдернула, продела в отверстие заготовленный ремешок и повесила на шею. Забрала змеиную тушку. Вернувшись к слугам, к костру, разрыла угли, кинула ее в золу, снова прикопала.

– Тебе помочь, госпожа? – почтительно спросила Сай-Мени.

Митаюки предупреждающе вскинула палец.

Проведение колдовских обрядов требует соблюдения ритуала до мелочей. И если она обещала духам съесть змеиную тушку так, как им надлежало истреблять ее врагов, значит, тушку следовало обглодать до косточек, обсосать и разбросать объедки в разные стороны. И до тех пор не произносить ни звука. Ибо каждое слово, произнесенное до конца обряда, становится его частью.

В Доме Девичества старые ведьмы любили рассказывать историю старого Сытхе-эр, который во время молитвы о ниспослании удачи почесал спину и сказал: *«Как поясница болит, зуб двунога мне в ребра...»* – и уже через мгновение ему между лопаток вонзилось копье с костяным наконечником, неудачно оброненное сидящим в кроне над святилищем дозорным.

Юная чародейка умела ждать. И потому дала змейке время запечься, потом не спеша, очень тщательно, обглодала мясо с тела, больше напоминающего крысиный хвост, и только после этого произнесла:

– Надеюсь, вы догадались приготовить обед? Я ужасно проголодалась!

Глава IV

Осень 1585 г. П-ов Ямал

Северный Ямтанг

Путешествовать на лодках через густые жаркие джунгли Ямала – самый простой способ передвижения, если не считать полета на драконах. Ни тебе болот, ни тебе оврагов, ни тебе буреломов – гребни да гребни по водной глади.

Чем ближе к колдовскому солнцу приближались путники, тем сильнее оно припекало и тем гуще и сочнее становилась зелень, тем более буйно кипела жизнь. Уже после первого дня пути сосны и березы, утки и зайцы, можжевельник и малина остались далеко позади, уступив место пальмам и мангровым зарослям, цветным зубастым попугаям и летучим прыгающим ящерицам, орхидеям и лианам. С каждым гребком становилось все жарче, и воины быстро скинули одежду, оставшись в одних набедренных повязках.

Понятно, что на суше заросли стояли такой плотной стеной, что прорваться через них могли только трехроги или спинокрылы. Да и те – с разбегу. Без разбега они себе дорогу просто проедали. Но остающиеся позади драконов просеки под жарким солнцем и на влажной земле зарастали в считанные дни. Сперва – травой, через месяц-другой – кустарником. А если за это время не показывался очередной брюхатый пожиратель зелени, – то вскорости на месте просеки стоял уже густой прочный лес.

Даже вокруг крупных городов более-менее сохранялись только те тропинки, по которым ежедневно пробегали десятки ног. Стоило случиться празднику или горю, которое удерживало горожан в своих домах хотя бы неделю – и все! Тропинки и дороги исчезали, словно их никогда и не было.

И только реки всегда оставались на своих местах, неизменно гладкие, широкие, чистые...

Плыви себе да плыви.

Первый день пути не доставил отряду Митаюки-нэ особых хлопот. Лодки мчались легко и стремительно, словно и не боролись со встречным течением. На ночлег путники остановились уже в сумерках, пометив протоку, на которую свернули, привязанной на ветку длинной полоской сыромятной кожи.

Это было условие Матвея Серьги, отпустившего свою жену вперед всего с сотней воинов: разведать и разметить дорогу. И не ввязываться ни в какие схватки!

Разумеется, чародейка собиралась выполнить оба требования... Как получится...

Бывший шаман повернул к берегу, сделал на стоящем наособицу дереве две длинные широкие засечки.

– Выше ручьи будут узкие, легко перепутать, – пояснил Нахнат-хайд. – Не понятно, где главное русло, где притоки. Тут надобно чаще пометать.

Митаюки согласно кивнула. Чаще так чаще. Главное, чтобы бывший шаман сам не заблудился.

Из-за жары мужчина скинул куртку и штаны, оставшись только в сапогах, повязке и нательном крестике, и теперь его татуировки проступили во всем своем многообразии: клык дракона на правом плече, хвост дракона на левом – это татуировки боевые, усиливающие удары в схватке. Всевидящее небесное око под обеими ключицами – защита от сглаза и обмана. Паутина Хонт-Торума на правой стороне груди, с заходом на шею – тонкие нити, сплетающиеся

местами в руны и паучок с поджатыми лапами означали почитание бога войны и постоянную готовность к схватке. Спину почти целиком закрывала ступня Нум-Торума – знак почитания верховного бога небес. На сердце расцвел семилистник – символ великой искренней любви. С оскомом в центре – преданной любви.

Похоже, цветок был самым первым тату шамана, поскольку почти все остальные рисунки являлись боевыми заклинаниями, и только два знака плодородия внизу живота и поклонный стебель правого колена были рисунками молитвенными, обращением к богине Мыхими за защитой от болезни и прославлением ее милости. Остальные татуировки на ногах добавляли им прыткости и силы. Поясницу мужчины огибала извивистая змея переменчивой Этпос-ойки, богини луны, умеющей обманывать и отводить глаза, на щиколотках плясали веселые пупы, помогающие скрадывать шаги.

Для воина, даже вождя, рисунков было слишком много. Ведь татуировки сами по себе – ничто. Чтобы давать им силу, сир-тя должен обладать колдовскими способностями. Однако для колдуна направленность татуировок была уж очень воинственна.

Похоже, когда-то в молодости Нахнат-хайд разочаровался в жизни и возжелал найти смерть в честной битве. Но оказался сильнее противников.

На второй день лодки шли дальше вверх, используя весла уже в качестве шестов. В протоке, выбранной бывшим шаманом, глубина редко где была по пояс, а по большей части не доходила и до колена. Здесь главной сложностью стали поваленные поперек русла деревья. Одиноким струг такая проблема могла бы и остановить. Однако в отряде чародейки хватало свободных рук, чтобы отправлять вперед дровосеков, споро разрубающих трухлявые стволы и отбрасывающих их в стороны.

Еще несколько широких притоков, отмеченных кожаными лентами – и могучий в низовьях Ямтанг сузился до нескольких шагов, а глубина его стала таковой, что лодки то и дело чиркали днищем по песку.

Воины прыгнули в воду и теперь вели свои челны, придерживая их за борта – в то время как уже почти половина маленького войска стучала впереди топорами. Здесь джунгли не просто перекрывали русло в отдельных местах – здесь они росли практически прямо в ручье.

Ближе к вечеру лес победил. Путники вытащили лодки на берег и перевернули кверху днищами, оставив отдыхать до своего возвращения, закинули поклажу на плечи и зашагали по воде пешком. Колдовское солнце начало тускнеть на ночь как раз в тот момент, когда Нахнат-хайд вывел порядком запыхавшуюся Митаюки-нэ к округлому пруду в размах рук шириной. На дне лужицы бурлили, вскидывая горстями мелкий серый песок, несколько крохотных вулканчиков.

– Исток Ямтанга, великая госпожа, – указал на родник бывший шаман. – Отсель до истока Варанхая копье добросить можно. Вот токмо узкий он зело за родником. До того места, где лодку на воду спустить можно, полдня налегке шагать.

– Белокожие дикари хитры, – отмахнулась девушка. – Они что-нибудь придумают. Нам же главное – здешние племена к покорности привести.

– Племена многочисленны, госпожа, – предупредил Нахнат-хайд.

– Ну и что? – пожала плечами чародейка. – Мы несем истинную веру, слово Господа нашего Иисуса. Разве способно оружие устоять против христианского учения?

– Не способно, госпожа, – размахисто перекрестился бывший шаман и поклонился чародейке.

– Ты воевал здесь, Нахнат-хайд? – поинтересовалась Митаюки. – Откуда ты так хорошо знаешь здешние места?

– Великий Седэй собирал армию, чтобы напасть на крепость иноземцев, стоящую на острове, – честно признался воин. – Мы опоздали к ней присоединиться, но успели одолеть больше половины пути к месту сбора. Как раз по Ямтангу и Варанхаю.

– Это божье знамение направило вас нужными тропами, – чародейка тоже сочла необходимым перекреститься. – Как близко отсюда первое селение язычников?

– Два дня пути, госпожа.

– Хорошо... – Девушка покрутилась, нашла взглядом немца. – Ганс! Завтра я уйду вперед, на разведку. Если задержусь, то ближе чем на полдня к языческой деревне не приближайтесь. Ждите моего возвращения.

– Хорошо, – лаконично кивнул Штраубе.

– Ты хочешь отправиться одна, белая госпожа? – забеспокоился Тарсай-няр. – Позволь дать тебе хотя бы десяток воинов!

– Это ни к чему, мой верный страж, – отрицательно покачала головой девушка и широко осенила себя крестным знамением. – Господь не даст меня в обиду.

* * *

Это только кажется, что пешая девушка не способна идти быстрее столь же пеших воинов. Юной и быстроногой чародейке не требовалось тащить на себе тяжеленные мешки с припасами и оружие, она проскальзывала между узкими стволами, подныривала под свисающие к воде ветви, а не рубила их. И не проваливалась в рыхлое песчаное дно весело журчащего Варанхая. Меньше уставала, реже отдыхала – и все это час за часом складывалось в лишние версты пути.

В просторном лагере одинокая путница тоже не нуждалась – когда сгустилась тьма, она просто забралась в крону мангрового дерева и наскоро сплела гамак из толстых – в руку, – но гибких лиан, в достатке свисающих меж ветвями. На ужин – кусок вяленого мяса и вода из-под ног, на завтрак – вода и кусок мяса, и с первыми лучами чародейка уже отправилась дальше по быстро расширяющейся протоке.

Когда Варанхай раздался от берега до берега до десяти шагов и стал походить на настоящую реку, Митаюки-нэ выбралась на песчаную отмель, опустилась на колени и полуприкрыла глаза, привычно слушая, осязая и обоняя. Ежедневные упражнения сделали свое дело – если бы кто следил со стороны за одинокой путницей, то увидел бы, как она в считанные минуты стала полупрозрачной, затем вовсе невидимой, и лишь плеск воды выдал тот миг, когда юная чародейка покинула место короткого, но искусного обряда единения с окружающим миром.

Варанхай стал не только широким, но и достаточно глубоким. Брести по колено в воде показалось Митаюки утомительным, и она выбралась на сушу, продираясь через кустарник и заросли деревьев. Поняв, что ничего не выиграла – опять спустилась в русло. Однако завоевавшие берег деревья, выдвигая в воду толстые коричневые корни, выдавливали ее все дальше и дальше на глубину.

Выругавшись, чародейка опять выбралась наверх, теперь уже прыгая с корня на корень и проклиная воинов за то, что те поленились перетащить из реки в реку хотя бы несколько челнов. Насколько проще сейчас было бы скатываться по течению, лишь лениво подправляя веслом направление!

Мучения несчастной девушки наконец-то разжалобили лесных духов. Митаюки заметила в зеленой прибрежной стене просветы, свернула туда и наконец-то выбралась на еле заметную, но все же различимую тропу.

Немного отдохнув, послушав ветер, шелест листьев, приглядевшись к бликам, чародейка восстановила дыхание, слилась с природой и неслышно заскользила вперед.

Разумеется, чем ближе к поселку, тем шире и натопанней становилась дорожка. Часа через два ведьма уже различила голоса и вскоре разминулась со стайкой десятилетних девочек, бегущих в заросли с корзинами под мышкой. Видимо, собирать к ужину какие-то лесные плоды.

Хорошо жить близко к солнцу сир-тя! Можно не сеять, не охотиться, не плести сетей. В джунглях все равно нарастет в достатке инжира, шелковицы, манго, орехов, апельсинов, бобов и прочих сытных вкусов. У холодного озера, на берегу которого выросла юная чародейка, еда так просто не давалась.

Митаюки быстрым шагом двинулась дальше и очень скоро вышла к Дому Девичества: большому чуму, накрытому шкурой длинношея, украшенному паутинными амулетами от злого чародейства и дурного глаза, защищенному амулетами от болезней и злых врагов, с нанесенными на стены рунами сытости и благополучия.

После огромных острогов, возводимых казаками, Дом Девичества уже не казался Митаюки ни большим, ни величавым. И даже назвать его домом язык больше не поворачивался. Просто чум, собранный для полусотни обитателей, а не на пять-шесть человек, как обычно.

Дом Девичества принимал в себя девочек в возрасте семи или восьми, иногда девяти лет, учил их женской магии и хозяйственным хитростям, умению повелевать мужчинами и творить заклинания – и в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет выпускал из себя уже настоящими женщинами.

Половина ее юности прошла в точно таком же шалаше!

Митаюки покачала головой, теперь уже не понимая, как могла так долго терпеть тесноту в чуме размером с ее нынешнюю опочивальню в Новом остроге, и... И быть в нем счастливой!

Перед входом в чум, возле слабо чадающего кострища, сидели на корточках три старухи и что-то вязали из ивовых корешков и разноцветных ниток. Рядом была приготовлена кучка ярких птичьих перьев. Чародейка с любопытством вытянула шею – и тут же два раза подряд сочно прокричала сойка. Это сработал сторожевой амулет, предупреждая хозяев о появлении чужака с недобрыми намерениями.

Незваная гостья спешно попятилась, ее рука скользнула к ножу на поясе. Однако из трех старух лишь одна подняла голову, посмотрела на окружающие кроны и снова вернулась к своему занятию.

Извечная беда обитателей всех мирных селений. Сперва они окружают свои города и деревни сторожевыми амулетами, а затем... Затем не обращают внимания на их сигналы.

Однако продолжать искушать судьбу Митаюки не рискнула – прошла дальше через рожицу по широкой и выстеленной подорожником тропе и оказалась собственно в поселке.

Как обычно, его сердцем была большая, утоптанная до каменного звона площадь в сотню шагов окружностью. По краям чернели три кострища – свою пищу сир-тя обычно готовили на общих кострах, у воды тянулась к небу огромная священная береза с большим родовым амулетом, а слева от нее возвышалось святилище. Тоже чум, но покрытый шкурой двунога с огромной клыкастой головой и черными камнями в глазницах.

Площадь была пуста, и это удивило чародейку – обычно в центре играло множество малых детей под присмотром мам. Может, местные жители затеяли какой-то праздник за границей селения? Вон, в святилище тоже никого не видно. Или вдруг все дружно отправились на огороды? Если, конечно, они вообще имеются в этом теплом месте...

Митаюки-нэ подошла к священной березе, присмотрелась к амулету. Он был сухим, чистым, не пел и не трепетал, не плакал. Явно не предчувствовал для здешнего рода никакой опасности. Этот факт ведьму порадовал. Если она не представляла опасности местным сир-тя, то и они, верно, сильно на нее не ополчатся.

Разве только язычники окажутся невероятно сильны и уничтожат ее вместе с передовым отрядом без заметных потерь...

Но в такую возможность многоопытная лазутчица не верила.

Девушка внимательно рассмотрела противоположный берег Варанхая, потом развернулась к березе спиной и окинула взглядом чумы за площадью.

Три десятка строений, возле некоторых копошатся хозяйки, огромная куча общих дров... Детские крики вдалеке, и тишина справа – там, где через селение от Дома Девичества должен находиться Дом Воинов. Тихий плеск воды за священным деревом.

Что-то здесь было не так, непривычно, но Митаюки никак не понимала, что именно.

Дрова, чумы, кострище, пустая площадь...

«Менквы! – внезапно сообразила чародейка. – Нигде не видно зверолодей!»

Тупые, но сильные, покрытые рыжей шерстью существа всегда выполняли в селениях сир-тя самую тяжелую, грязную и нудную работу: валили сухостой и таскали дрова, убрали мусор, выделывали шкуры, копали землю, чистили разросшиеся заросли. Их же колдуны использовали как главную силу в случающихся войнах. И против казаков, на завоевание острога, тоже отправляли в первую очередь именно их – могучих, безмозглых, бесстрашных. Многие сотни менквов, возможно даже – тысячи, тонули в холодных морских волнах, срывались с крутых стен, гибли под пулями, калечились, умирали от голода. И, похоже, на берегах Варанхая их больше просто не осталось. Теперь великим сир-тя приходилось работать в лесу и на огородах самим.

– Может быть, именно поэтому в поселке так пусто? Жители заняты делами? – рискнула пробормотать вслух Митаюки-нэ. – Вот уж не ожидала, что за поражение колдунов Великого Седзя столь явственно расплатятся простые мирные сир-тя из глухих лесных селений...

Она осмотрелась еще раз и отправилась в обратный путь.

* * *

Одну маленькую слабость Митаюки-нэ себе позволила: остановилась в том месте, где уходящая от Дома Девичества тропа растворилась в джунглях, на мангровые корни не полезла. Свернула в лес и, полазив среди зарослей, вскоре нашла папайю, увешанную спелыми фруктами. Срезав несколько штук, залезла на ближнюю гаварею, привычно сплела гамак и устроилась на отдых, не спеша, с удовольствием перекусывая.

Расчет оказался точен. На следующий день, вскоре после полудня, со стороны реки до чародейки донеслись мерные перестукивания. Девушка спустилась на землю, двинулась на звук и вскоре увидела запыхавшихся, потных сир-тя, прорубающих путь через прибрежный кустарник.

– Привал! – скомандовала она. – Четыре часа отдыха! Подготовить оружие, сегодня вечером оно может понадобиться.

– Да, госпожа! Слушаемся, госпожа, – с облегчением выдохнули воины, вытягиваясь на тропе и попарно падая в траву. Лечь бок о бок троим места уже не хватало.

– Рад видеть тебя, красавица! – Ганс Штраубе двигался в середине колонны, с винтовальной пищалью за спиной и бердышом в руках. – Как сходила?

– Падай, капитан! – указала на свободное место Митаюки-нэ, а сама присела рядом, скрестив ноги. – Ложись, ложись и лапки раскинь. Не хочу, чтобы у тебя в сумерках рука дрогнула.

– Какая ты заботливая ныне, – до хруста в суставах развел плечи наемник. – Прямо любящая жена, а не воевода!

– Переправишься на тот берег, пойдешь вниз по течению, – сухо ответила чародейка. – Там через реку зарослей почти нет, вытоптали. Но в двух сотнях шагов от березы я видела густой кустарник. Спрячешься в нем. Обзор хороший, площадь как на ладони. Если кто-то из язычников покажется мне опасным, укажу на него пальцем. Сразу стреляй.

– Не бойсь, красавица. Первый раз, что ли? Ты токмо не забывай, что ныне ствол у меня один, а не пять. Посему, пока перезарядить не успею, повторно пальнуть не смогу.

– Сосчитать до ста? – уточнила юная ведьма.

– Успею, – согласно кивнул немец. – Считаю, и можешь снова указывать. Подстрелю.

– Нахнат-хайд, – повернулась к бывшему шаману Митаюки. – В конце этой тропы стоит Дом Девичества. Его нужно незаметно обогнуть и расставить воинов в лесочке за ним. Сможешь?

– Да, белая госпожа! – поклонился воин.

– Без моего приказа не нападать! Мне не нужна кровь. Мне нужно повиновение.

– Да, белая госпожа, – кивнул Нахнат-хайд.

– Тарсай-няр, тебе поручаю отрезать от площади Дом Воинов, – положила руку на плечо тархадца чародейка. – Как ты понимаешь, он стоит дальше, за селением. И туда тоже нужно добраться незаметно.

– Обогнем по тому берегу, – тут же нашел выход вождь. – Издалека не заметят.

– Я доверяю тебе, потомок мудрых и храбрых нуеров.

– А ты, как всегда, отправишься одна? – сделал вывод Штраубе. – В самое логово?

– Чего мне бояться, Ганс? – пожала плечами ведьма. – Со мною вера и слово Господа нашего, Иисуса Христа!

– Вот, добавь к этому английскую пистоль, – вытянул немец из-за пояса маленькую пищальку с короткой изогнутой рукоятью. – Дальше двадцати шагов из нее стрелять бесполезно, но с десяти слона свалит. В ней пуля в половину моего пальца размером. Сейчас пороху на полку подсыплю для уверенности... – Наемник достал из сумки костяной рог, еще раз проверил механизм, придирчиво осмотрев кресало, и отдал оружие девушке. – Перед выстрелом взвести надобно, помнишь?

– Помню, – кивнула Митаюки и сунула тяжеленную штуку за пазуху. – Все должны быть готовы к первым сумеркам, когда язычники закончат молитву и приступят к ужину.

* * *

С привала чародейка ушла последней – привычно слившись с природой вокруг, став неразличимой и неосязаемой. Однако со временем немного ошиблась и вышла на площадь, когда вечернее восхваление Нум-Торума уже закончилось и местные жители сгрудились у костров, распространяющих в стороны горьковатый запах жаренного на углях волчатника. Небо начало темнеть, и стоило поторопиться, иначе сидящий в засаде наемник мог ее в сумерках и не различить.

Митаюки нырнула в святилище, надеясь застать его пустым, ведь шаманам тоже нужно кушать. Однако перед золотым идиолом, выставившим богатое мужское достоинство, сидел на небольшом чурбаке старик в замшевой тунике и задумчиво перебирал сухо щелкающие костяные четки. В свете двух маленьких масляных лампад разглядеть его подробнее было невозможно. Даже цвет волос терялся в полумраке.

– Ты все же пришла, исчадие тьмы, служительница зла, поклонница смерти, – не поднимая головы, произнес колдун.

– Ты знаешь обо мне? – удивилась чародейка.

– Не такой уж я плохой шаман, ведьма, – усмехнулся сир-тя, поднимая к ней свое черно-красное переменчивое лицо. Сумерки и два пляшущих огонька скрадывали и постоянно искривляли черты старика.

– Тогда скажи, зачем я здесь?

– Ты явилась смутить умы, черная ведьма, поманив мое племя неясными сокровищами, неверной славой, проклясть старых богов и посеять новые надежды, – вздохнул колдун.

– И как ты поступишь?

– Никак, черная ведьма, – покачал головой хозяин святилища. – Мне все равно никто не верит. В нашем селении больше нет веселья и сытости, покоя и богатства. С каждым годом жить становится все труднее и труднее, и моих сил не хватает изменить все обратно. Древние обряды

больше не радуют сир-тя, дары их становятся все беднее, а служение духам не привлекает учеников. Я устал, черная ведьма, и я хочу покоя. Может статься, твой бог и вправду окажется счастливее моего, и твои надежды не обернутся белой пылью. Вручаю тебе судьбу моего рода, служительница белых иноземцев. Делай то, зачем пришла.

– Я заберу у твоего племени старых богов, шаман, но заменю их великой славой и богатством, – пообещала Митаюки-нэ. – Они забудут былую тоску.

Чародейка взяла из-под опоры чума кувшин с горячим маслом, плеснула на стены, на пол. Из другого, широко взмахнув, полила пол. Часть жидкости попала на лампы, и огонек тут же радостно побежал во все стороны.

– Прощай, черная ведьма, – опутив голову, торопливо застучал четками старик.

– Чистого тебе неба в верхнем мире, шаман, – поклонилась ему чародейка. – Прощай.

Когда она вышла из святилища, за ее спиной уже ревело пламя, закручиваясь в жгуты и выхлестывая наружу через все щели. Столпившиеся у очагов сир-тя ошеломленно замерли, сраженные столь ужасающим зрелищем и его неожиданностью. Девушка вышла к священной березе, достала из-за пазухи пистоль, взвела курок, вскинула над головой и нажала спуск.

Оглушительный грохот потряс площадь и вырвал из невидимости нежданную гостью.

– Слушайте меня внимательно, сир-тя Верхнего Варанхая, и не говорите, что вы не слышали! – опустила пистолет чародейка. – Меня зовут Митаюки-нэ, я хозяйка белокожих иноземцев и первая служительница величайшего Господа Иисуса Христа! Я принесла вам имя нового, молодого и сильного бога взамен старых богов, слабых и дряхлых! Это бог победы, это бог богатства, это бог сытости! Отныне вы будете поклоняться ему одному, и горе тем, кто откажется признать его власть и любовь!

– На колени, сир-тя Верхнего Варанхая! – громко провозгласил Нахнат-хайд, выходя из зарослей с палицей в одной руке и длинным обсидиановым ножом в другой. – Прославляйте нового бога или умрите! Его имя Иисус! Славьте его, несчастные! Славьте!

Вслед за своим вождем из кустарника выдвинулись три десятка воинов и замерли мрачными тенями, опираясь на длинные копыя.

– Славьте имя Господа нашего, Иисуса Христа! – Молодой вождь Тарсай-няр последовал примеру бывшего шамана и тоже вышел в свет костров. А следом за ним – еще больше полусотни бойцов.

Митаюки-нэ мысленно ругнулась – тархадцы должны были прикрывать площадь от возможного нападения язычников из Дома Воинов, а не устраивать представление для кучки селян. Оставалось надеяться, что здешним жителям действительно надоели нищета и тоска и за старых богов никто не вступится.

– Вы можете принять новую веру, сир-тя, – спешно пояснила она, – стать нашими братьями во Христе, нашими друзьями, нашими соратниками, частью нашей большой семьи. Или отринуть силу молодого бога и назвать себя нашим врагом. Смотрите на меня. Вот как возносится молитва молодому богу... – Ведьма размахисто перекрестилась: – Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! – эхом отозвались воины и осенили себя знамением.

– На колени, сир-тя! – неожиданно громогласно потребовал Нахнат-хайд. – Вы выбираете нового бога или смерть?!

Вздрогнув, первыми упали на колени ближние к нему женщины, стали неуклюже водить руками от головы к животу, из стороны в стороны. От них падение покатилося дальше, и вскоре первую свою христианскую молитву произносили все жители деревеньки, кроме самых малых несмышленишек.

– Радуйтесь, сир-тя Верхнего Варанхая! – с облегчением вскинула руки Митаюки. – Господь принимает вас! Отныне вы наши друзья и родственники! Отныне мы будем оборонять

вас от любого врага, а вы сможете ходить в походы вместе с нами! Отныне болезни больше не затронут ваше селение, а жизнь ваша станет сытой и богатой! Да будет праздник, братья и сестры! Отныне все мы вместе!

Она подошла к новообращенным, стала поднимать их с колен и крепко обнимать. Так же повел себя и Нахнат-хайд, и часть его воинов. Тарсай-няр колебался, продолжая стоять живой стеной между христианами и возможной опасностью.

И правильно делал!

Обняв с два десятка сир-тя, убедившись, что все они перевели дух и уже не боятся, а радуются случившейся перемене, чародейка отошла к тархатцам и тихо распорядилась:

– Проверьте Дом Воинов. Если кого-то там найдете, приглашайте к березе – принимать истинную веру и праздновать. Отказавшихся... – Митаюки-нэ многозначительно промолчала.

– Да, белая госпожа, – понял намек вождь, взмахнул рукой, и его полусотня скрылась в перелеске.

По счастью, сила не потребовалась. Дом оказался пуст. И вскоре пришедшие на Варанхай воины и местные жители перемешались в одной общей пирушке, запивая хмельной бражкой недавнее напряжение. Особой популярностью среди местных красавиц и парней пользовались тархадцы. Ведь они уже успели сходить с белыми иноземцами в военный поход, сразиться с драконами и огромными армиями – и победить! И взять огромную добычу!

От сих рассказов у местных мальчишек загорались глаза и разворачивались плечи. Мысленно они уже метали смертоносные громы в огромных двуногов и шипоносов, сминали ряды врагов, собирали плащи и украшения в поверженных городах, чтобы бросить их потом к ногам своих избранниц.

Черная ведьма могла быть довольна. Отныне Верхний Варанхай принадлежал ей душой и телом. А его воины уже сейчас горели желанием примкнуть к маленькой армии чародейки. Их порыв приходилось сдерживать – тем самым лишь сильнее разжигая мечту стать доблестным христианским воином.

Ганс Штраубе возник на берегу, как всегда, тихо и незаметно. Натянул штаны – реку он перешел вброд, – скинул сумку, прислонил пицаль к священной березе. Сладко потянулся, прежде чем встать рядом с девушкой:

– Ты напрасно потратила отличный заряд, узкоглазая кудесница. Отдай пистоль, я снаряжу ее снова.

– Мы получили еще одного золотого идола, – ответила Митаюки. – Неужели он не стоил горсти пороха и кусочка свинца? Кстати, прикопай истукана под берегом, пока сир-тя заняты пирушкой. Не хочу привлекать их к этому делу. Чем позже они догадаются, насколько вы цените золото, тем меньше у нас будет хлопот с будущей добычей. Только сам не забудь, где прячешь. А то придется потом в острог с пустыми руками возвратиться.

– Хорошо, девочка, сделаю, – пообещал наемник, наклонился ближе и прошептал: – Если честно, я все гадал, как ты справишься с местным драконом. Ведь змеюги и чудища охраняют здесь каждую деревню. Теперь испытываю страшное разочарование.

– Змеюги и чудища, капитан, давно погибли под стенами Троицкого острога. – Митаюки легонько стукнула наемника кончиком пальца по носу. – Ты что, думаешь, они тут бесчисленными стадами гуляют? Так тогда они уже давно сожрали бы на Ямале все леса, а потом сдохли с голоду. Нет, Ганс. Настоящий, большой дракон растет, как вековой дуб, лет сто. И всех их вы за минувшие годы повыбили. Теперь если где они и остались, то только на юге, войной не затронутом.

– Об этом я не подумал, – честно признал немец. – А ты куда умнее, чем кажешься, красотка!

– Ты же всегда хвалил мой разум, льстец! – усмехнулась ведьмочка.

– Но ты оказалась еще умнее, – развел руками Штраубе. – Только теперь понимаю, отчего ты отказалась от кулеврин. И все равно! Рискнула пойти одна, без настоящего оружия, полагаясь лишь на свои догадки... Преклоняюсь.

Немец действительно склонился перед властной туземкой. Пусть лишь слегка, приложив руку к груди и только обозначив склонение головы, но на этот раз капитан сделал это всерьез, а не шутливо. Чародейка, поняв это, взяла его за руку, крепко сжала.

– Всегда к вашим услугам, ваше величество, – так же серьезно сказал Штраубе. – Надеюсь, теперь мы станем понимать друг друга лучше.

Пока Митаюки колебалась: стоит пообещать наемнику что-нибудь серьезное или лучше напомнить о муже – от толпы пирующих сир-тя отделился покрытый татуировками мужчина, решительно пересек площадь и опустился на колено:

– Прими мое восхищение, белая госпожа! Впервые в жизни я увидел, что можно повергнуть врага, не пролив ни капли крови! Я верю в мудрость твою, великая шаманка Господа Иисуса Христа, и отныне вручаю тебе свою жизнь, свою верность и палицу!

– Я принимаю твое восхищение и твою клятву, воин, – заверила бывшего шамана чародейка. – Но тебе придется их подтвердить.

– В любой день и час, белая госпожа!

Немец кашлянул:

– Я так понимаю, у меня уже появились конкуренты?

– Иди, спрячь идола. А я отвлеку местных, – по-русски ответила Митаюки и перешла на язык сир-тя: – Встань, храбрый воин. Не забывай, сегодня мы обратили в истинную веру многих братьев и сестер. Пойдем к ним. Нам нужно поведать им о молодом боге!

Глава V

Осень 1585 г. П-ов Ямал

Троицкий острог

В жарко натопленных покоях воеводы пахло свежим деревом и пирогами. Но если едко-вато-смоляной аромат древесины распространяли свежесколотые дрова, грудой сваленные у печи, то запах пирогов являлся чистым обманом. Не было муки в остроге, ни единой горсточки! Посланцы в Пустозерск привезли порох, свинец, топоры и клинки, прочий ратный припас, но закупиться мукой никому из казаков и в голову не пришло.

Да и зачем мужикам мука? Мясо есть – сыты будут. Выпечкой в ватаге заниматься некому.

Только теперь, когда хозяйственная Настена хлопотала у печи, переворачивая на вытянутой из топки сковороде куски рыбы, атаман понял, как соскучился по пирогам, калачам, бубликам и даже простому русскому хлебу. Но готовить все это в землях сир-тя было, увы, не из чего. Освобожденные из татарского плена девушки кое-как выкрутились, наострившись молоть муку из семян здешних плодов, похожих на тыкву. Но годилась она лишь на то, чтобы при жарке кусочки мяса или рыбы для вкуса лучшего обвалить. Ну и блины еще получались. Но только непрочные: сразу рвались, коли взять неловко.

Малой тихо почивал в постели за циновкой, с основными хлопотами атаман управился еще до обеда, а любимая женушка была столь фигуриста, даже если смотреть только со спины, что Иван Егоров тихо расстегнул пояс, положив тяжелый набор из сабли, поясной сумки, двух ножей и ложки в кожаном футляре на лавку, бросил сверху кафтан, подкрался к Насте и обнял за живот, прижавшись губами к шее.

– Не надо, Ванечка, – передернув плечами, простонала женщина. – Еда же вся подгорит.

– А ты вытяни сковородку-то, – предложил атаман, опуская ладони ей на бедра.

– Не прожарятся... – фыркнула Настя, водя плечами и бедрами, но сильно не протестуя, якобы слишком занятая рыбой. Воевода потянул вверх зеленую с красной вышивкой юбку и...

И в этот момент хлопнула входная дверь.

– Черт! – вырвалось у воеводы, отскочившего от жены. Он быстро перекрестил рот после богохульства.

Распахнулась внутренняя дверь, в горницу вошел молодой казак Тошка Егумнов, у которого вместо бороды и усов еще только курчавился длинный пушок. Однако, увидев воеводу в одной рубахе и грохочущую сковородой атаманшу, даже он сообразил, что явился не вовремя, закашлялся, опустил голову.

– Сказывай, чего пришел? – взял с лавки кафтан Егоров.

– Дык, это... – почесал в затылке паренек. – Того...

– Да чего?! Сказывай уж, хватит мямлить!

– Посыльный там, на берегу... Этот... Который на драконе.

– Пойдем посмотрим, – снова опоясался атаман, накинул поверх кафтана кожаный плащ, выделанный из шкуры какого-то местного ящера, первым вышел из дома, взбежал по лестнице на стену.

В лицо тут же жестко ударил ветер, несущий множество мелких капелек, секущих кожу, словно маленькие стрелы. После жаркой избы уличный холод показался особенно нестерпимым, и воевода плотнее закутался в епанчу.

Море тяжело раскачивалось, на гребнях темно-коричневых волн белела пена, перемешанная с ледяной шугой. С востока ледяные поля подступали к острогу почти на версту, по проливу между островом и берегом во множестве плавали отколовшиеся льдины и медленно таяли, выброшенные на галечный пляж.

Колдовское солнце сияло слишком далеко от острога, чтобы подарить казакам вечное лето Ямала. Поэтому на острове царила затянувшаяся осень. Иногда менее холодная – без близких торосов и обжигающих ветров. Иногда, как сейчас – противная и безжизненная, когда никому из обитателей крепости не хотелось и носа на улицу высовывать.

– Где колдун? – поинтересовался у дозорного воевода.

– Я за ним лодку отправил, атаман, – поднялся на боевой помост Кольша Огнев, командующий сегодня караулом. – Дракона своего язычник отпустил, посему и не различить его. От ветра где-то таится.

Пролив практически штормило, однако казаки были опытными мореходами и высоких волн с ледяной шугой ничуть не испугались. Широкая плоскодонка с шестью гребцами уверенно пробилась до суши, приняла единственного пассажира, отправилась обратно.

– Отогрей путников, как причалят, – велел атаман, когда лодка вошла на гладкую воду, прикрытую от ветра машиной острога. – А колдуна ко мне води. Сам тоже приходи, и Кондрата покличь.

Иван Егоров вернулся в избу, встал перед печью, положив ладони на горячие камни.

– Замерз, милый? – участливо спросила супруга.

– Ничто, – покачал головой воевода. – На Руси ныне морозы куда как крепче. Чай, Рождество на носу. А здесь и снега нет. Просто ветер... Выдувает. У тебя сбитень есть?

– Как же без него, милый? – полезла куда-то за печь женщина.

– Налей... – Услышав стук у двери, атаман отступил от печи и торопливо задернул полотнище, отделявшее горницу от хозяйственной половины избы.

– Добра и богатства дому сему! – хлопнув входной дверью, громко произнес Кондрат Чугреев, потоптался в сенях, то ли отряхивая грязь с сапог, то ли из вежливости, затем толкнул вторую створку и, стягивая шапку, шагнул в горницу, пригладил темную курчавую бороду, перекрестился на красный угол. Следом ужом скользнул желтолицый и узкоглазый чародей Енко Малныче, с ног до шеи затянутый в блестящую, словно лакированную, змеиную кожу, с собранными на затылке черными волосами. Последним вошел Кольша, тоже перекрестился и без приглашения присел в уголке на лавку, всем своим видом выражая готовность сорваться с места и выскочить наружу.

Оно и понятно – кормчий был в остроге самым занятым казаком. У него получалось не только править стругами, но и шить их из здешнего грубого теса, оклеивая драконьими шкурами. А стругов, знамо, лишних не бывает. Потому и жил воин в вечных трудах и заботах. Сегодня же ему вкруг еще и караулить выпало...

– Доброго вам дня, гости дорогие! – откинув полог, вышла к мужчинам Настя, неся в руках вырезанный в виде уточки с длинным хвостом ковш. – Вот, испейте сбитеня горячего с дороги.

Она успела накинуть на голову платок, заколоть на затылке косу, накинуть поверх домашнего сарафана длинное суконное платье и теперь выплыла, словно пава: румяная, горячая, глаз не отвести.

– Благодарствую, хозяйюшка, – принял ковш Кондрат, сделал несколько глотков, довольно крикнул, передал емкость колдуну. Тот с удовольствием осушил почти половину непривычного, едко-пряного напитка и, подражая казаку, кивнул:

– Благодарствую, красивая Настя... – покрутился в поисках третьего гостя, но Кольша Огнев смотрел в другую сторону.

– Вы садитесь к столу, располагайтесь, – забрала у него ковш хозяйка. – Сейчас я перекусить вынесу, чем бог послал.

– Не замерз, Енко? – с сомнением осмотрел воевода тощую одежонку колдуна.

– Ничто, – отмахнулся тот, хотя и поежился.

– Как съездил?

– Обрадовались казаки приозерские твоему замыслу, – кивнул желтолицый гонец. – Поили меня, полоскали, хвалили. Порешили не медля силу собирать и встречу тебе с ратями идти, очищать реку от племен враждебных. Я через лес восемь дней оттуда шел. Вестимо, ныне уже собрались и выступили. Очень уж хотели воедино поскорее соединиться.

– Это добрая весть, – в задумчивости потер шрам у виска воевода.

Больше всего Иван Егоров опасался, что ушедшие с Матвеем ватажники отринут его, отделаться. Наособицу пожелают жить и добычу копить для себя одних. Уж очень старательно обхаживала их хитрая здешняя чародейка. Даром что молода да смазлива, однако же своего добиваться умела. Но, похоже, тревога была напрасной. Мужская дружба оказалась сильнее подарков и крепче колдовства.

– Вот, отпробуйте свеженькой, мужики. – Настя вынесла большой деревянный поднос с грудой обжаренной до румяной корочки рыбы. – Сейчас еще зелени и репы вынесу. И соль, соль, Ваня, подай!

– И сбитеня еще зачерпни, – попросил Егоров. Ему промочить горло по возвращении так и не удалось.

– Славная у тебя женушка, атаман, – степенно похвалил женщину Кондрат. – Красивая и рукастая. Повезло.

– Садись, в ногах правды нет, – указал на лавку у стола воевода. – Ты что скажешь?

– Амбары полны, порох и пищали в достатке, – пожал плечами казак. – Отчего и не гульнуть ватаге нашей? Тем паче сотоварищи наши встречу пробиваются. Грешно не поддержать.

Воевода думал точно так же.

Острогу повезло с недавним нападением колдунов. Сир-тя нагнали драконов, надеясь использовать их огромные туши вместо штурмовых помостов, однако прорваться на стены не смогли, отступили. Оставшихся на берегу мертвых зверей обитатели острога быстро порубили на куски и перетаскали мясо на ледник, забив его под потолок. Так что съестных припасов крепости теперь хватит года на два, коли лишних ртов в большом числе не прибавится. Дров мужчины тоже заготовили преизрядно. Не на год, конечно, но на несколько месяцев для общего очага и пары малых печей хватит.

Коли так – чего за стенами отсиживаться? Они ведь сюда не бока пролеживать приплыли, а за добычей! Добыча сама в острог не придет – собирать надобно. Оставить малый гарнизон, дабы баб и детишек без защиты не бросать, а самим – в поход. Путь через Ямал пробить, святилища разорить, золотишка и бивней слоновых собрать. Да и погреться заодно под жарким солнышком...

Иван Егоров был уверен в своем решении, однако все же спросил:

– А ты, Кольша, как думаешь?

– Три струга могу дать, – хозяйственно ответил кормчий. – По паре пушек на каждый поставите – никакие драконы не одолеют. Осмь гребцов на каждый посадить, управятся. Тогда и для припаса место останется, и для добычи.

– До завтра управимся, Кондрат? – перевел взгляд на опытного помощника Егоров.

– А чего тянуть? Управимся и до завтра, – согласно кивнул казак. – День еще в разгаре. К темноте снарядим лодки, атаман, дело привычное. Перед ужином охотников выкрикнем для вылазки новой. Токмо на воду столкнут и останется.

– Быть по сему, – хлопнул ладонью по столу, подводя итог, воевода. – С рассветом выступаем. Енко, ты готов выступать али Маюни в проводники кликнуть?

– Этого маленького дикаря? – презрительно скривился родовитый колдун. – Он вас заведет, как же... Сам подходы покажу. Туда через поселки шел, обратно шел. Все амулеты рассмотрел, все тропинки знаю. Никто из варанхайцев и охнуть не успеет!

Енко Малныче не испытывал особого почтения к белокожим иноземцам, не то что не имеющим колдовских способностей, но даже и не верящим в искусство повелевать природой и недоразвитыми существами, и раньше не стремился особо им помогать. Так, отдохнуть иногда приходил, развлекался. Однако слова малолетней чародейки, наложницы казачьего десятника, неожиданно крепко запали ему в душу. Она, дескать, целое царство себе выкроила, а он только пиво портить умеет. И проклятый Великим Седзем изгнанник решил хорошенько «шумнуть».

Не то чтобы Енко хотел что-то доказать худородной хвастунье – что ему за дело до мнения глупой бабы? Однако же идея напугать, разозлить, заставить побегать, напомнить о себе и вызвать новую волну ярости пришлась ему по вкусу. Пусть узнают, каков бывает во гневе настоящий чародей рода Малныче!

И, разумеется – что может быть лучше для осуществления этого плана, как не белокожие дикари с их смертоносными грохочущими железками?

Так что в немалой степени внезапный азарт и торопливость казаков были вызваны тем, что умелый колдун слегка подстегнул своими чарами их воинственность и жадность.

– Раз выступаем утром, – широко зевнул Енко Малныче, – я бы прикорнул где-нибудь в теплом уголке. Отоспаться хочу разом за все дни походные, и завтра опять бодрее бодрых стану.

– Коли тебя запахи не смутят, можешь на кухне устроиться, – предложил Кольша Огнев. – Она у нас просторная, места хватит. И очаги, почитай, вообще никогда не гаснут.

– А если еще и покормят, – широко и добродушно улыбнулся колдун, – то и вовсе цены не будет такому ночлегу.

– Пойдем провожу, – поднялся кормчий. – Заодно и струги осмотрю, оснастку да борта. Не разошлись бы. Конопатить тогда придется, а это дня два, не менее.

– Они же шкурой крыты? – не понял тревоги казака Енко.

– Когда доски ведет, кожа отрывается, – пожаловался Кольша, но сам же отмахнулся: – Ладно... Если что не так где выйдет, чего-нибудь придумаем.

Кормчий не подвел ни колдуна, ни воеводу – к рассвету на берегу под стенами, у спокойной воды, стояли три струга, лишь самыми носами слегка вытасщенные на пляж. Мореходные лодки русских походили на пузатеньких осенних сусликов – при длине в пятнадцать шагов ширину имели почти пять и покатые, уходящие под воду бока. В каждом на дне было приготовлено несколько бочонков с огненным зельем, с дробью и ядрами, корзины с солониной и вяленой рыбой, запасные копыя, топоры, бердыши, а на носках, на широких лавках, смотрели вперед вправо и влево от бушприта по две кулеврины – хитрые бронзовые пушечки на поворотной подставке, каждая размером с человеческую ногу.

Еще на стругах имелись бесполезные на реке мачты и паруса, три пары весел и несколько малых пищалей. И, разумеется, гребцы. Как обратил внимание Енко Малныче – совсем молодые парни. Из бывалых, опытных казаков воевода взял токмо бородача Кондрата да плечистого Михейко Ослопа. Да и тех, похоже, из нужды: помимо воеводского, еще на два струга требовались кормчие. Безусого воина править судном и командовать экипажем не поставишь.

Поистрепалась русская ватага, поредела, ослабела. Самых лучших своих бойцов потеряла. Кого – убитыми. Кого – женившимися. Вроде и есть женатый казак в наличии, а вроде и нет его более. На смерть бесшабашно не лезет, в дальние походы не рвется, с друзьями беспробудно не пьянствует. Жену норовит каждую ночь обнимать, детей растить, дом обустраивать. Покой предпочитает веселой сече. И какой это теперь мужчина?

Вот так и получилось, что остепенившиеся ватажники остались с Кольшей Огневым острог охранять, а за добычей и приключениями вызвались те, у кого молоко на губах, считай, не обсохло.

– Впрочем, там и воевать-то будет не с кем, – пробормотал колдун. – Несколько захудалых деревень разорить, и все. Работа для новичков.

Зато прощание получилось кратким: воевода негромко дал Кольше несколько последних распоряжений, обнял, поцеловал жену – и путники столкнули струги на воду.

Поначалу несколько часов казаки плыли вдоль берега на юг, за развалины старого, самого первого острога, к Драконьим болотам. Там повернули прямо в топи и легко преодолели их по прямому, как тетива луки, руслу, аккуратно разрезающему рыхлые и колышавшиеся морошковые поля. Где-то через полверсты на берегах появились сперва кривые низкие березы, а затем и сосны с елями. Это означало, что под травяным покровом находится уже настоящая, твердая суша. И словно в подтверждение этого факта река начала петлять, выискивая между отмелями наиболее удобное русло.

– Когда-то здесь было столько нуеров и длинношеев, – припомнил колдун, – что весло невозможно было в воду опустить. Обязательно в кого-нибудь ударялось. А теперь, кроме рыбы, никого не видно. Уму непостижимо, всего за два года всех извели! Теперь это уже не Драконьи, а Бездраконьи омута получают.

Енко никто не ответил. Казаки, тяжело дыша, гребли, а сидящий на руле Михейко болтливостью никогда не отличался. Чародей пожал плечами, но все же закончил свою мысль:

– Из-за опасного соседства сир-тя тут никогда не селились. Не всякому шаману по силам за таким множеством зверей уследить. Так что раньше завтрашнего дня нам до первой деревни не добраться. Спешить некуда.

– Атаману виднее, – лаконично ответил Михейко и снова устремил взгляд вперед.

Енко снова пожал плечами и подставил лицо колдовскому солнцу. Оно уже начинало ощутимо греть – не то что на острове.

Казаки пробивались против течения до позднего вечера, но даже в темноте приставать к берегу не стали. Зацепились носовым канатом за свисающее над водой дерево, перекусили всухомятку и улеглись прямо в струге, на сложенном парусе. Видимо, как раз для этого его с собой и катали. А едва солнце начало разгораться, белокожие иноземцы снова отправились в путь.

К полудню припекать начало в полную силу. Колдуну в его тонкой облегающей кухлянке наконец-то стало хорошо, казаки же начали раздеваться, скидывая кафтаны и стеганки и оставаясь в одних рубахах.

– Воевода! Атаман! – окликнул Егорова чародей. – Отсель до ближнего селения часа два пути, не более. Вам бы переждать, а я вперед сбегая, гляну, как и что?

– Давай, – согласился тот.

Енко Малныче шагнул со струга за борт, заставив казаков охнуть от неожиданности, по грудь в воде быстро выбрался на берег и исчез среди молодой ивовой поросли.

В снаряжении колдуна не было ничего, боящегося воды. Бронзовый нож не ржавел, металлическая дубинка – тоже. В поясной сумке лежала лишь горсть гадательных костей да кресало; одежда из мягкой змеиной кожи намокала медленно, а высыхала быстро. Так что опытный бродяга мог позволить себе купание в одежде. Не прошло и получаса, как он уже обсох и даже немного сожалел об утраченной свежести.

Два часа до деревни сир-тя было грести на веслах против течения. Пешком же – меньше часа пути. Тем более что вдоль берега тянулась нахоженная тропинка. И, разумеется, именно по ней местный шаман ходил проверять обереги – так что найти их труда не составляло.

Начитав защитные заклинания, Енко Малныче изменил все амулеты. Заглушил на время сплетенным из сосновых корешков кольцом, расчерченным нитями-рунами и смоченным пар-

ной кровью, ощущение опасности, после чего поменял знаки «большого крика» на «малую песню». Полностью снимать или портить обереги не стоило – поставивший их чародей мог забеспокоиться и отправиться с воинами на проверку. Или просто насторожиться, заставить вождя вооружить мужчин. А так – они вроде как действуют, умелый шаман это чувствует. Но сигнал об опасности подадут такой слабый, что в селении его не расслышат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.